

АҘСНЫ АҘЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

ACADEMIA

АЦСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАТТАРА

№ 13

Асериа

«Агуманитартә тцаарадыррақәа»

Аредактор хада

Цьануа Зураб Цьота-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик, УАР аҳэаанырцэтәи алахэыла

Асериа аредакциатә еилазаара

Атакзыпхыкәу аредакторцәа:

Анчабазе Иури Дырмит-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чрыгба Виачеслав Андреи-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Аредакциатә еилазаара алахэылацәа:

Бгажэба Олег Хэыхэыт-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Бигэаа Валери Леуард-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор

Бигэаа Виачеслав Акакь-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Дбар Дмитри Заур-иңа – анцәахатцаратцаара адоктор

Кэагэаниа Валентин Астамыр-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Қыецба Вахтанг Владимир-иңа – азиндырратә тцаарадыррақәа ркандидат

Хыуитт Цьорць – абызшәадырғы, апрофессор

Хәгба Лили Риза-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чанба Нодар Виктор-иңа – аказаратцаара адоктор

Шьалашьаа Заур Иван-иңа – аэкономикатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Акәа
«Academia»
2023

ББК 72.4 (5Абх)
В 38

Аредактор-тыжышы – *С.О. Хацыйм*
Акыпчы иаздырхиеит: *Н.С. Барцыц, С.О. Хацыйм*

Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия Адырратара / Аред. хада З.Ць. Цьа-
пуа. Асериа «Агуманитаргэ тцаарадыррақэа». Акэа: Academia, 2023. № 13. 255 д.

2005 шықэсазы ишыатаркуп. Шықэсык знык итыцуеит

«Адырратара» Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия апрезидиум анапхгарала
итыцуеит

Иахкыпчыуа аматериалқэа аредакциатэ еилазаара ргэаанagara иақэымшэар-
гы калойт

Аредакция атызтып: 384900, Ацсны Ахэынткарра, Акэа ак.,
академик Марр имоаду, 9
Ател: +7(840)226 9740; +7(840) 226 6635
Е-mail: akademana@mail.ru
ААР асайт: www.anra.info

ISBN:

© Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия, 2023
© Academia, 2023

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 13

Серия
«Гуманитарные науки»

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА, иностранный член РАН

Редакционная коллегия серии

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Члены редколлегии:

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Дбар Дмитрий Заурович – доктор теологии

Кеџба Вахтанг Владимирович – кандидат юридических наук

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Хагба Лили Ризовна – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Хьюитт Джордж – лингвист, профессор

Чанба Нодар Викторович – доктор искусствоведения

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик АНА

Сухум
«Academia»
2023

Выпускающий редактор – *С.О. Хаджим*
Выпуск подготовили: *Н.С. Барциц, С.О. Хаджим*

Вестник Академии наук Абхазии / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2023. № 13. 255 с.

Основан в 2005 году. Выходит один раз в год.

«Вестник АНА» издается под руководством президиума Академии наук Абхазии

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

Адрес редакции: 384 900, Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. академика Марра, 9
Тел.: +7(840) 226 9740; +7(840) 226 6635
E-mail: akademana@mail.ru
Сайт АНА: www.anra.info

ISBN:

© Академия наук Абхазии, 2023
© Academia, 2023

BULLETIN

OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

№ 13

Series

«Human Sciences»

Chief Editor

Dzhapua Zurab Dzhotovich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the series

Responsible editors:

Anchabadze Yury Dmitrievich – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of ASA

Chirikba Viacheslav Andreevich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA

Editorial Board members:

Bgazhba Oleg Khukhutovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of ASA

Biguaa Valery Levardovich – Doctor of Historical Sciences, Professor

Biguaa Viacheslav Akakievich – Doctor of Philologi, Professor, Corresponding Member of ASA

Chanba Nodar Viktorovic – Doctor of Art History

Dbar Dmitry Zaurovich – Doctor of Theology

Hagba Lili Rizovna – Doctor of Philology, Corresponding Member of the ANA

Hewitt George – Philologist, Professor

Ketsba Vakhtang Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences

Kogoniya Valentin Astamurovich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA

Shalashaa Zaur Ivanovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of ASA

Sukhum
«Academia»

2023

The issuing editor – *S.O. Khadzhim*

The issue was prepared by *N.S. Bartsyts, S.O. Khadzhim*

Bulletin of the Academy of Sciences of Abkhazia / Ch. Ed. Z.D. Dzhapua.

A series of human sciences. Sukhum: Academia, 2023. № 13. 255 p.

Date of foundation 2005. Issued once a year

The Bulletin is published under the guidance of the Presidium of the Academy of Sciences of Abkhazia

Published materials do not necessarily reflect the views of the editorial board

Address of the editorial office: 384900, Republic of Abkhazia, Sukhum,
9 Akademika Marra str.

Tel.: +7 (840) 2269740; +7 (840) 2266635

E-mail: akademana@mail.ru

Website: www.anra.info

ISBN:

© Academy of Sciences of Abkhazia, 2023

© Academia, 2023

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

Д.А. Канделаки

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРЯДА ВТОРИЧНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В АБХАЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема генезиса такого интересно-го феномена в истории Абхазии, как обряд вторичного захоронения. Данные археологии, этнографии и письменных источников, которые подтверждают факт зарождения этого обряда в древнеабхазской среде, как части более обширной абхазо-адыгской общности, дают все основания считать этот обряд целиком сформировавшимся на местной почве. На основании всего изложенного автором выдвигается гипотеза, что обряд вторичного захоронения формировался в период зарождения древней неолитической производящей экономики на территории Абхазии.

Ключевые слова: обряд вторичного захоронения, обряд воздушного захоронения, ингумация, труположение, Абхазия, Восточное Причерноморье, неолитическая революция, мезолит, неолит.

Обряд вторичного захоронения – один из самых изученных феноменов древней истории Абхазии. Он известен благодаря проводившимся археологическим исследованиям. Атрибуция памятников, их география и хронология подробно описаны в научной литературе. Обряд имел широкое распространение на территории Абхазии в эпоху второй половины энеолита, бронзы и раннего железа, то есть хронологически охватывает период с IV по I тыс. до н. э. (Куфтин 1949; Соловьев 1960: 74–80; Анчабадзе 1964; Бжания 1966; Воронов 1969; Шамба 1974; Бжания 1977; Бгажба, Воронов 1982; Шамба 1984; Бжания, Бжания 1991; Бгажба, Лакоба 2007; Скаков 2008: 15–27; Бгажба, Лакоба 2015; Трапи 2019).

Рассматриваемый обряд представляет погребение человеческих костей без анатомического порядка, в котором центральную доминанту занимает череп человека, расположенный таким образом, чтобы обозначалась его центральная роль в этом обряде¹. Обряд вторичного захоронения известен в различном ситуационном контексте погребальной практики. Широкая ва-

¹ Говоря о роли доминирования черепа в погребальном обряде на территории Абхазии, следует отметить, что данный культ хорошо диагностируется в погребальной обрядовости древнего Ближнего Востока. Среди последних достаточно подробных сводок см., например, работы: Алекшин 1994: 59–78; Медникова 2004; Корниенко 2012: 80–89.

риабельность в отдельных приемах делает этот обряд не каким-то монотонным и однотипным, а достаточно сложным в свете модификаций, различных вариантов и, вероятно, способов его практического осуществления. Наиболее распространенными вариациями являются «оссуарные» захоронения, захоронения в дольменах, грунтовые захоронения, захоронения в пещерах, навесах, скальных нишах². О широком распространении обряда в Абхазии и в Восточном Причерноморье говорит и широкая палитра языковых, фольклорных, лингвистических, а также топонимических данных на территории Абхазии, которые свидетельствуют о том, что этот обряд был настолько длителен и прочен, что вошел в историческую память абхазов³.

Другой немаловажный момент – данный обряд зафиксирован также в письменной традиции и по данным этнографии. Речь идет о зафиксированной в письменных источниках погребальной традиции, известной как воздушное захоронение, которое традиционно рассматривается специалистами, по сути, как тот же обряд. Описания обряда воздушного захоронения широко представлены в письменных источниках античного периода, более того, известен он и для сравнительно позднего исторического этапа, и отдельные сведения об этом обряде фиксируются вплоть до второй половины XIX века (*Бгажба 2012: 57–64*)⁴. Таким образом, в общеисторическом контексте можно говорить о четкой фиксации по сути одного и того же обряда, который этнографически представляет собой воздушное захоронение, а ее некий законченный результат фиксируется в его археологическом эквиваленте – обряде вторичного захоронения⁵.

² Все-таки не следует забывать вероятности того, что в дольменах этот обряд мог и не быть доминирующим, а занимать некую промежуточную позицию, об этом смотрите работы: *Смирнов 2005: 267–269; Смирнов, Смирнова 2007: 122–124*.

³ Обряд вторичного захоронения подробно обобщен в том числе и по данным этнографии в работах: *Инал-ипа 1965; Инал-ипа 1971; Инал-ипа 2011*.

⁴ Однако, с учетом объема статьи, мы пока оставляем за рамками рассмотрения проблему соотношения обряда воздушного захоронения и обряда вторичного захоронения, требующего, на наш взгляд, отдельного специального исследования усилиями историков, археологов, этнологов, лингвистов, религиоведов и фольклористов.

⁵ При всем том, что в историографии очень широко обсуждается вопрос о том, что обряд воздушного захоронения в некотором смысле стадийно связан с обрядом вторичного захоронения, в самих письменных источниках не всегда прослеживается прямая связь (*Дбар 2004: 275–286; Скаков 2007: 215–218; Скаков 2008: 15–27*). По моему мнению, возможно, это связано с тем, что следы обряда воздушного захоронения очевидцами фиксировались легче, так как могли его наблюдать воочию, к примеру, на отдельно стоящих деревьях, в отдельных рощах либо помостах, где подолгу на открытом воздухе находились разлагающиеся тела. В то же время собственно обряд вторичного захоронения был одноактным, и не всегда очевидцы могли оказаться свидетелями этого ритуала, занимавшего сравнительно небольшое время в процессе захоронения.

Центральной проблемой при изучении обряда вторичного захоронения является вопрос о времени начала его функционирования. Дело в том, что обряд этот не был единственным на территории Абхазии и по сути сосуществовал с обрядом ингумации или труположения. Таким образом, вопрос о том, когда возник вторичный обряд, напрямую связан и с проблемой того, какой из обрядов мы можем считать первичным – обряд вторичного погребения или все-таки ингумацию. Осложняет задачу и то, что оба этих обряда не только синхронны по времени, но и нередко встречаются на одном и том же памятнике, что породило многочисленные дискуссии о причинах вариативности погребальной практики на территории Абхазии. Сегодня сложно судить о том, являются ли эти различия показателем этнических дифференциаций, либо они отражают особенности или обстоятельства смерти, либо социального или имущественного положения погребенных, их пол или возраст, и потому данный вопрос по сути до сих пор остается открытым. В контексте рассмотрения проблемы генезиса обряда вторичного захоронения необходимо в самых общих чертах коснуться сути самого обряда. Обряд вторичного захоронения – это процесс намеренного доведения до скелетированного состояния как некоего акта отделения / очищения души от тела. Когда человек умирал, его тело перемещали в отдаленное место. Там его укладывали на помост либо помещали на дереве, где оно постепенно истлевало до костей (т. е. происходил процесс декарнации⁶). Процесс доведения тела до костного состояния под открытым небом давал возможность в представлении древних людей отделиться душе от тела. Это и фиксируется в письменных источниках и по данным этнологии как воздушное захоронение. Вероятно, в отдельных случаях могло быть не абсолютное очищение костной ткани. После завершения декарнации включался новый обрядовый цикл окончательного завершения захоронения, археологическим эквивалентом которого является обряд вторичного захоронения.

Однако, как могли возникнуть данные практики, пока остается неизвестным. Несомненно, облечению обряда в концептуальную, «законченную» обрядово-ритуальную оболочку предшествует процесс закрепления случайной совокупности отдельных приемов, окончательному сложению

⁶ Вероятно, «декарнация», т. е. естественное скелетирование должно несколько отличаться от другого процесса – «экскарнации» т. е. когда тело сознательно очищали от мягких тканей так скажем по пути ускоренного доведения до скелетированного состояния. Еще один несколько иной путь, это как указывалось выше, частичная кремация, как процесс того же ускоренного доведения до скелетированного состояния (*Дбар 2004: 275–286; Скаков 2007: 215–218.*). Не исключено, что «экскарнация» в некоторых обществах возможно восходит к древнейшей традиции «антропофагии», «некрофагии», «эндоканнибализма» как некой идее табуированного или ритуального поедания останков человека.

доктрины и правил обряда предшествовал долгий этап закрепления отдельных его элементов.

Для уяснения генезиса обряда вторичного захоронения следует обратить внимание на тот известный факт, что подобный обряд был характерен не только для территории Абхазии, но и присущ ряду древних обществ периода расцвета цивилизаций древнего Востока⁷. Этот обряд отчасти перекликается отдаленно и внешне с культом черепов, традициями захоронений под полами домов и рядом других погребальных традиций. Являются ли эти обряды, представленные в памятниках цивилизаций Древнего Востока, системно связанными с обрядом вторичного погребения на территории Абхазии? Разумеется, нет, но общим для всех этих обрядов является время их зарождения, а именно период становления и расцвета древнеземледельческих цивилизаций. В этой связи интересно отметить важную закономерность обряда вторичного погребения с традициями эпохи расцвета древнеземледельческих цивилизаций. При всем том, что обряды эти отличаются по своей мировоззренческой сути, их объединяет одно – развитая земледельческая экономика и становление крупных оседлых поселений эпохи неолита. Территория Абхазии не могла быть в стороне от аналогичных процессов. Как можно увязать генезис этого обряда с процессом развития земледельческой экономики в древности? Автору статьи в рабочем, предварительном порядке выдвигается следующая гипотеза⁸. На начальном этапе зарождения земледелия в период мезолита шло первое знакомство людей со злаковыми, которое происходило в рамках хозяйственной практики сезонного собирательства урожая. Известно, что в древности на Ближнем Востоке отдельные общины в предгорной полосе плодородного полумесяца месяцами уходили в сезон сбора диких злаков на большие расстояния на несколько десятков и даже сотен километров. Очевидно, что с середины мезолита аналогичные процессы протекали и на территории Абхазии⁹. В период зарождения земледельческого уклада мезолитические общины Абхазии, как и их ближневосточные соседи уходили на длительные сезонные сборы злаков и, оче-

⁷ Аналогичные, но конечно не тождественные обряды повсеместны в Евразии и особенно широко характерны в традициях древних земледельческих Ближневосточных цивилизаций и даже Северной Америки. Литература обширна, здесь достаточно упомянуть некоторые работы, смотрите, например, *Мельник 1987: 39–40; Пиотровский 1988: 6–18; Антонова 1990.*

⁸ Автор не претендует на оригинальность и не исключено, что подобные высказывания могут иметь место в научной литературе.

⁹ Авторскую точку зрения на процессы неолитизации в Абхазии см. *Канделаки 2014: 16–25; Канделаки 2016: 51–54; Канделаки 2016а: 166–173; Канделаки 2021: 23–29.*

видно, такого знака, как просо. Именно этот знак отмечаем в финально-мезолитических слоях Абхазии, в частности, в Холодом гроте (*Соловьев 1960: 74–80*). В случае смерти человека во время таких сезонных сборов скорейшая транспортировка тела была невозможна. Проблему создавала не столько транспортировка тела с учетом тяжести груза, сколько ее длительность, так как могло последовать быстрое разложение тела в условиях влажного теплого субтропического климата¹⁰. В итоге люди находили альтернативный путь, когда тело оставляли для полной декарнации, а иссохшие кости во время возвращения с очередного сезонного сбора знака было бы проще перенести в родное поселение¹¹. Вероятно, в отдельных случаях для этого достаточно была транспортировка не всего скелета, а лишь главного, в представлении древних людей, средоточия души, а именно, черепа человека. Возможно, такое происходило в случае растаскивания костей хищниками. О том, что именно череп занимал центральную позицию, свидетельствует его особая центральная роль и положение в погребальном контексте. Таким образом, процесс оставления тела, чтобы оно максимально не было повреждено хищниками и было некой основой, первой ступенью зарождения этой практики. Вероятнее всего, в процессе осмысления этого способа сохранения тела использовались различные варианты его «прятанья» в глубоких нишах пещер, труднодоступных трещинах скал, либо, использованием помостов или отдельно стоящих высоких деревьев для подвешивания тела. В дальнейшем, с возникновением крупных поселений, данная практика закрепилась уже в качестве обрядовой традиции, когда людей захоранивали с использованием двухстадийной погребальной практики. Хотя и ушла в далекое прошлое традиция сезонного собирательства злаковых, когда данные манипуляции с телом были продиктованы сугубо практической необходимостью, последующими поколениями эта традиция воспринималась как сама собою разумеющаяся практика, как традиция, уходящая к предкам. Уже в последующее время обряд закрепился в виде некой традиции, и захоронению подобным образом подвергались уже все, вне зависимости от места и причины смерти человека.

К сожалению, пока сложно проверить достоверность высказанной автором статьи гипотезы на фактическом материале, ибо археологические данные с территории Абхазии, увы, не уходят глубже позднего энеолита

¹⁰ Данные по судебной тафономии подтверждают, что процесс начала глубокого разложения в условиях влажного климата возможен уже в течение первых трех-четырех дней.

¹¹ Не являются ли широко представленные в современной обрядово-похоронной традиции временные циклы, такие как девять дней, сорок дней, пятьдесят два дня, годовщина, отголосками древних архаичных погребальных практик?

и ранней бронзы¹². Что касается эпохи собирательства злаковых в период финала мезолита и начала неолита, когда, возможно, начался процесс раннего этапа сложения этой традиции, мы материалами, увы, не располагаем. Однако в этой связи примечательна и симптоматична интересная находка останков черепов из Холодного грота и ряда других пещер, которые с осторожностью можно связать с самым ранним свидетельством первой попытки использования этой традиции (*Дбар 2004: 275–286; Сангулия 2011: 163–170; Сангулия 2017: 13–19*). Датировка данного слоя Холодного грота, а также находки обугленных зерен проса, возможно, и связанного с сезонным собирательством, как будто наводят на такую мысль и в принципе не противоречат такой догадке.

Стойкость данного обряда в Абхазии на протяжении нескольких тысяч лет, устойчиво фиксируемого, по данным археологии, как обряд вторичного захоронения, а по историческим и этнографическим данным как воздушное захоронение, однозначно свидетельствует о том, что носителями этой погребальной традиции на протяжении нескольких тысячелетий были предки абхазов и адыгов¹³.

Обряд вторичного захоронения в целом – уникальное явление и феномен духовной культуры. Его уникальность заключается в первую очередь в том, что, функционируя на определенном отрезке истории, он, будучи отголоском древних субстратных основ духовной и погребальной практики, восходящей к периоду мезолита-неолита и производящей неолитической экономики и встречавшейся практически повсеместно, так и не стал подавляющим и доминирующим. Так и не сумев стать единственным обрядом, он всегда выступал вкупе наряду с другими обрядами и погребальными практиками. Его генезис, если будет верна гипотеза автора, имела в своей основе практическую необходимость, которая возникла в своем генезисе

¹² В этой связи интересно предположить, не является ли обряд вторичного захоронения на территории Абхазии следствием импульса населения с юга в период атлантического потепления, последовавшего за поздним дриасом (см. *Трифонов 2009: 84–93*)? В этом случае необходимы исследования для определения ближайшего географического очага на Ближнем Востоке, который был импульсом прихода населения, в том числе и с традицией вторичного погребального обряда. Судя по имеющимся данным, как будто на такие очаги указывает географически ближайший круг культур типа Чейюню.

¹³ В этой связи вызывает интерес еще одна деталь. При картографировании тех мест, где зафиксирован обряд воздушного захоронения в историческое время, зона эта совпадает с ареалом распространения языков, которые лингвисты объединяют в так называемую сино-кавказскую макросемью. При всей дискуссионности самой проблемы существования данной макросемьи факт пространственного совпадения (неслучайного, на наш взгляд) обряда и самого ареала носителей макросемьи требует все-таки отдельного серьезного исследования (см. *Ситнянский 2001: 175–180*).

из практической реальности и действительности, побудившей древних людей использовать подобную погребальную процедуру. Будущими поколениями эта практика воспринималась наверняка без понимания ее первоначального практического смысла и облекалась постепенно разными мировоззренческими составляющими. Таким образом, появление обряда вторичного захоронения – это типичный диагностирующий признак того, что оно возникало именно в тех местах, где шел активный процесс перехода к производящей земледельческо-скотоводческой неолитической экономике. Наличие столь глубоких его корней, сохранившихся в духовной культуре, фольклоре и языке абхазов, еще раз подтверждает, что территория Абхазии, скорее всего, шла по пути становления неолитических форм хозяйствования, и наличие обряда вторичного захоронения – его закономерный диагностирующий признак.

Литература

Алекшин 1986: Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 1986.

Алекшин 1994: Алекшин В.А. Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии. Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1994.

Антонова 1990: Антонова В.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. 187 с.

Анчабадзе 2010: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. Избранные труды в двух томах. Т. I. Сухум, 2010.

Бгажба 2012: Бгажба О.Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. Серия «Народы и Культуры». 2-е изд., испр. М.: Наука, 2012. 547 с.

Бгажба, Воронов 1982: Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 года). Тбилиси, 1982.

Бгажба, Лакоба 2007: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. 392 с.

Бгажба, Лакоба 2015: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е изд., доп. и перераб. Сухум, 2015. 464 с.

Бжания 1966: Бжания В.В. Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита ранней бронзы). М., 1966.

Бжания 1977: Бжания В.В. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии. МАА. Сухуми, 1977.

Бжания, Бжания 1991: Бжания В.В., Бжания Д.С. Древний могильник в Гагре. Сухуми, 1991.

Воронов 1969: Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

Дбар 2004: Дбар С.А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история культура традиции языка. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию АБИГИ им. Д.И. Гулиа (28–31 мая 2001 г., г. Сухум). Сухум, 2004. С. 275–286.

Инал-ипа 1965: Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Инал-ипа 1971: Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.

Инал-ипа 2011: Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. III. Сухум, 2011.

Канделаки 2008: Канделаки Д.А. Древнее население Абхазии в каменном веке: экологическая адаптация; ранний антропологический и этнокультурный облик. Вторая Абхазская международная конференция, посвященная памяти М.М. Трапша. Сухум, 2008.

Канделаки 2010: Канделаки Д.А. Становление производящей экономики на территории Абхазии. Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М., 2010.

Канделаки 2014: Канделаки Д.А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики // Труды Ботанического института. Сухум, 2014. Вып. 3. С. 16–25.

Канделаки 2016: Канделаки Д.А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // Актуальная археология. 2016. Вып. 3. С. 51–54.

Канделаки 2016а: Канделаки Д.А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей скотоводческой экономики // Археологические Вести. 2016. № 22. С. 166–173.

Канделаки 2021: Канделаки Д.А. Зарождение древнего земледелия на территории Абхазии: к проблеме ранних этапов (взгляд историка) // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем. К 80-летию профессора А.А. Кудрявцева. Ставрополь, 2021. С. 23–29.

Корниенко 2012: Корниенко Т.В. Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б. // Российская Археология. 2012. № 4. С. 80–89.

Куфтин 1949: Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I.

Медникова 2004: Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004.

Мельник 1987: Мельник В.И. Характер смерти и погребальный обряд. Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 39–40.

Пиотровский 1988: Пиотровский Ю.Ю. К толкованию вторичного погребального обряда // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 6–18.

Сангулия 2011: Сангулия Г.А. Предмет пограничной и корпоративной археологии Абхазии в абхазологических исследованиях // II Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 163–170.

Сангулия 2017: Сангулия Г.А. Древнейшие обрядовые памятники в историко-культурном наследии Абхазии (по исследованиям Л.Н. Соловьева) // Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие культур. Сборник материалов IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьева (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). Сухум, 2017. С. 13–19.

Ситнянский 2001: Ситнянский Г.Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. 4. С. 175–180.

Скаков 2007: Скаков А.Ю. К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология культурология. 2006–2007. СПб., 2007. С. 215–218.

Скаков 2008: Скаков А.Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н. э. // Российская Археология. 2008. № 1. С. 15–27.

Смирнов 2005: Смирнов А.М. Некоторые данные к вопросу о специфике погребений в дольменах Западного Кавказа // IV Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 267–269.

Смирнов, Смирнова 2007: Смирнов А.М., Смирнова Н.А. Некоторые данные к обоснованию представления о дольменах как «uterus». Евразия: этнокультурные взаимодействия и исторические судьбы. ТД. Конференция 16–19 ноября 2004 г. М., 2007. С. 122–124.

Соловьев 1960: Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1960. Вып. 30. С. 74–80.

Трапи 2019: Трапи М.М. Древний Сухум. Труды в VII томах. Т. II. Сухум, 2019.

Трифонов 2009: Трифонов В.А. Существовал ли неолит на Северо-Западном Кавказе? Адаптация культур палеолита-энеолита и изменение природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009. С. 84–93.

Шамба 1974: Шамба Г.К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

Шамба 1984: Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.

Д.А. Канделаки

АФЫНТЭРААН АҔСЫЖРА АХЫЛЦШЫТРА АҚЪАБЗ ИАЗКУ АГИПОТЕЗА

Аннотация. *Астатиафы иазаатгылоуп АҔсны аҔоурых афы аинтерес зйоу ацдырйра – афбатэи аҔсыжра ақъабз. Ажэйтэан аҔсуаа (еиҕа иҔбаау аҔсуа-адыга еилазаара иахэҔаку) рфы афбатэи аҔсыжра шыақэзырзэгэо археологиатэ, аетнографиатэ, афыратэ хыйхыртақэа иҕартоит алиара аҔыҕан ицдырйыз, ииз акы аҕасабала ахэаҕира. Хыхь иҕэоу хшыфзышыҕтра аҔаны ицдыргоуп агипотеза зызбахэ ҕамоу афбатэи аҔсыжра ақъабз АҔсны иахыаҕанакуа ажэйтэ неолит, аекономикареҕиара ацдырйра аамҕа иаҕанакуеит ҕэа.*

Ихадароу ажэакэа: *афбатэи аҔсыжра ақъабз, аҕауатэ ҕсыжра ақъабз, аингумациа, аҔсыбафшыҕаҕашыа, АҔсны, Мрагыларатэи Амнынҕишаҕэа, анеолиттэ револуциа, амезолит, анеолит.*

D.A. Kandelaki

ON THE HYPOTHESIS OF THE ORIGIN OF THE SECONDARY BURIAL RITE IN ABKHAZIA

Annotation. *The article considers the problem of genesis of such an interesting phenomenon in the history of Abkhazia as the Second Burial Rite. The data of archeology, ethnography and written sources, which confirm the fact of the origin of this rite in the ancient Abkhazian environment, as part of a larger Abkhaz-Adyg community, give every reason to consider this rite to be entirely formed on local grounds. Based on the above mentioned, the author puts forward a hypothesis that the rite of secondary burial was formed during the period of the birth of the ancient Neolithic manufacturing economy in the territory of Abkhazia.*

Key words: *secondary burial rite, air burial rite, inhumation, Abkhazia, Eastern Black Sea region, Neolithic revolution, Mesolithic, Neolithic.*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ»

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ:
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции
13 апреля 2023 г.

Краснодар
2023

**ДОЛЬМЕНЫ АБХАЗИИ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ МИГРАЦИЯ
ИДЕИ? (КАВКАЗСКО - СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ УЗЕЛ
АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ).
В ПОРЯДКЕ РАБОЧЕЙ ГИПОТЕЗЫ**

Д.А. Канделаки²

**Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Академии наук Абхазии
Государственный историко-архитектурный заповедник
«Великий Питиунт»
Научно-исследовательский центр PONTO-CAUCASICA и
Школа подготовки экскурсоводов**

Аннотация. В статье приводятся новые данные историко-культурного характера по проблеме генезиса дольменной культуры на Кавказе и непосредственно на территории Абхазии. Появление дольменов рассматривается в ключе активизации древних торгово-экономических связей и распространения религиозных доктрин. Технологический контекст этих процессов напрямую связан с ранним этапом активизации кораблестроения и морских каботажных плаваний. Появление дольменов на территории Абхазии как части феномена мегалитизма, есть не прямой контакт, а вероятно, многоступенчатый эстафетный – в ходе активных экономических связей крупных металлургических центров Восточного Причерноморья с населением Малой Азии и Эгеиды. Следы таких связей обнаруживаются в незначительном количестве языковых корреспонденций и контактов с представителями древнего реликтового доиндоевропейского населения с носителями языков западнокавказской семьи. Дольмены распространились на территории побережья Абхазии в результате обоюдных регулярных либо эпизодических контактов, способствовавших распространению этой мегалитической традиции. В этом смысле дольменная культура – это ни что иное как самое раннее и яркое свидетельство доколониционных связей Причерноморья с миром Средиземноморья.

Ключевые слова: Абхазия, Западный Кавказ, Восточное Причерноморье, Средиземноморье, Эгеида, дольмены, западнокавказские языки, тирренские языки, баски, ливиио-гуанчские языки.

² Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии Наук Абхазии, Главный хранитель Пицундского археологического музея, Директор Научно-исследовательского центра PONTO-CAUCASICA и Школы подготовки экскурсоводов.

Дольмены Абхазии как часть дольменных культурных традиций Западного Кавказа составляют часть уникального феномена мировой истории – феномена «мегалитизма» и являются одними из наиболее изученных в археологической науке [1; 3, с. 5 -12; 4; 7, с. 77-126; 8, с. 30-83; 9, с. 326-349; 15; 16; 24, с. 128-133; 27, с. 133-138; 28, с. 1-39; 29; 31, с. 101-178; 33; 34; 35, с. 108-124; 36, с. 83-119; 37; 38; 50; 51, с. 74-81; 52, с. 32-38; 53, с. 156-163; 54, с. 412-422; 55, с. 18-27; 56, с. 9-16; 57, с. 85-123; 58, с. 48; 59, с. 82-86; 64, с. 169-184; 65, с. 111-118; 68, с. 69-100; 72, с.; 73, с. 100-107.; 74, с.37-38.; 75, с. 115-119; 76, с. 78-94.; 77; 83.]. Однако при всех сторонах изученности проблемы археологической атрибуции дольменов, их функционального назначения, а также инженерно-строительных технологий, остается ряд нерешенных проблем в их изучении. Среди них – генезис самой традиции «дольменотворчества» на Кавказе, является ли эта традиция результатом конвергентного развития или результатом инвазии населения, принесших, его традицию вместе с собой, либо это лишь перенос и миграция идеи, а если да, то откуда шел этот импульс и кем он привнесен? В науке подобные вопросы, несомненно, неоднократно ставились, и в этом смысле авторская статья не претендует на некое новаторство и однозначно займет скромное место в ряду уже известных теорий и гипотез.³

Для начала необходимо дать небольшой обзор географии и хронологии «дольменотворчества». Дольмены представляют собой группу сооружений, входящую в состав более обширной категории памятников, именуемых мегалитами. В этом смысле традиция мегалитизма составляет более обширное понятие «камнестроительства».⁴ В статье мы затрагиваем лишь те мегалитические памятники, которые в науке известны именно как дольмены. Таким образом, круг сопоставления памятников «дольменостроительства» в статье нами будет ограничен только рамками «Большого Средиземноморья» и «Большого Причерноморья».

Следует отметить, что в научной традиции давно сложилось представление, что дольмены Средиземноморья – это единственные памятники, которые имеют конструктивные и архитектурные особенности, схожие с дольменами Западного Кавказа. Установлено, что дольмены «Большого Средиземноморья» создавались древнейшими потомками шедших в Европу и, вероятно, в Северную Африку неолитических земледельцев и скотоводов из древней Анатолии и Ближнего Востока. Самые ранние мегалитические памятники Средиземноморья относятся к периоду конца VI – нач. V тыс. до н.э. Несомненно то, что истоки мегалитизма в Средиземно-

³ Обширный историографический обзор проблемы генезиса дольменных культуры дан в ряде работ, и здесь нет необходимости повторять его [15; 33; 34; 35, с. 108-124; 36; 37; 38; 72.].

⁴ Не следует забывать, что «камнестроительство» – это универсалия, и при желании его можно распознать во многих памятниках циклопической архитектуры земного шара.

морье следует искать среди ряда культовых памятников Древнего Ближнего Востока, к которым, очевидно, относится и такой эталонный памятник, как Гебекли-Тепе. В самых общих чертах известен следующий сценарий распространения феномена «мегалитизма» в Средиземноморских областях. По-видимому, самые ранние формы мегалитизма формируются в областях Северной Месопотамии и Восточной части полуострова Малая Азия, затем в период миграции неолитического населения в сторону Средиземноморья, включая Западное Средиземноморье, Северное побережье Африки и Балкано-Эгипетские области, в этих регионах, спустя определенное время, формируются традиции «мегалитизма».⁵ В дальнейшем они послужили толчком распространения этого феномена с одной стороны в области Атлантического побережья Европы, а с другой стороны – в области Большого Причерноморья. Освоение неолитическими мигрантами Средиземноморья осуществлялось по североафриканскому и южноевропейскому побережью, а островные зоны, очевидно, уже в эпоху позднего неолита осваивались с помощью древних плавательных средств, а именно – больших долбленных лодок и даже протокораблей [5; 12, с. 600-619; 22, с. 191-204; 25, с. 32-113; 30, с. 630-649; 66; 67; 79.]. Что касается самой архитектурной и конструктивной особенности, то дольмены Кавказа, несомненно относятся к семейству мегалитических памятников «Большого Средиземноморья». В вопросе о функциональном назначении дольменов Кавказа практически все единодушны – это погребальные памятники, культовые места и со всей очевидностью – обозначение территориальной собственности. Что касается проблемы генезиса традиции «дольменостроительства» на Кавказе и непосредственно в Абхазии, ряд данных все-таки говорит о том, что сама идея «дольменотворчества» не имеет местных кавказских корней; перечислим основные признаки для этого утверждения.

1. Географическая локальность дольменов на Кавказе, которая представляет собой по сути мегалитический остров и самый отдаленный, крайний северо-восточный ареал мегалитизма в «Большом Средиземноморье». Даже в пределах Кавказа он как будто бы четко, а лучше сказать – резко ограничен, а в пределах Абхазии, образуя самую южную и древ-

⁵ В ряде случаев предполагается, что создателями мезолитических культовых сооружений Северной Месопотамии и, вероятно, Юго-Восточной Анатолии типа памятников Гебекли-тепе, были носители древних языков, возможно, отдаленных предков таких архаичных представителей как хатты либо какие-то носители иных, не сохранившихся языковых традиций, не оставивших потомков в современном языковом ландшафте. Не следует забывать, что тот памятник, который нам всем известен как Гебекли-тепе, по сути представляет собой лишь самый поздний этап его функционирования. Несомненно, существовали и еще более ранние постройки, вероятно, первоначально даже деревянные.

нюю на всем Кавказе «Абхазскую» группу, они не уходят дальше реки Кодор.⁶

2. Более поздние хронологические позиции дольменов западного Кавказа и непосредственно дольмены Абхазии по отношению к мегалитам Средиземноморья. Все дольмены Кавказа – это, несомненно, в лучшем случае канун ранней бронзы с натяжкой последние этапы IV – нач. III тыс. до н.э. В то же время мегалиты Европы и Средиземноморья в целом старше как минимум на два тысячелетия.

3. Очевидно, самые ранние дольмены приурочены к побережью Черного моря, и потому дольмены Абхазии на Кавказе наидревнейшие.

4. Европейские и средиземноморские дольмены в целом роднит одно самое главное – это погребальные комплексы и места сакрализации культовых мест. Вероятно, в основе мировоззрения лежит солнцепоклоннический культ.

5. Отсутствие сколько-либо достоверных свидетельств эволюции идеи «дольменотворчества» (не путать с недостроенными или перестроенными дольменами) на самом Кавказе.

6. Очевидный факт наличия в Абхазии и соседних районах иных, более ранних форм «мегалитизма» в виде «культовых камней» и, по мнению автора, хронологически более архаичных мегалитических памятников, в частности, «кромлехов».

Все вышеперечисленное вновь делает необходимым возможность взглянуть на генезис дольменов на Кавказе. Полагаем, что ключ в решении этой проблемы лежит в понимании того, что становление «дольменотворчества» должно быть неразрывно связано с процессами этнокультурного развития в средиземноморском регионе, а также с процессами активизации торгово-экономических связей древних обществ Причерноморья и Средиземноморья.⁷ Причиной тому стали природно-климатические процессы похолодания и аридизации, вызвавшие коллапс культур конца энеолита Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, в период IV тыс. до н. э. [10; 44, с. 48-50; 70, с. 18-26; 71, с.; 75, с. 115-119; 81, с.10-27; 32, с. 94-97.]. Это повлекло за собой ряд важных технологических прорывов, а в последствии и создание технологии производства бронзы, в котором общества Восточного Причерноморья сыграли ведущую роль. Формирование крупных металлургических центров в Причерноморье способ-

⁶ Что касается попыток обнаружения дольменов к востоку от реки Кодор; все они носят сугубо предположительный характер, и по сути факт не установленный. Это касается и обнаруженной недавно плиты с отверстием, которая явно является частью дольмена, обнаруженного в Ткварчалском районе. Но, возможно в этом случае пока не известно, является это остатком дольмена или эта плита перевезена [15; 69, с. 76-84].

⁷ Идея не нова и, разумеется, высказывалась и ранее. Авторская интерпретация в данной статье, в отличие от предыдущих работ, акцентирует внимание не на археологическом, а больше на этнокультурном аспекте проблемы.

ствовало усилению торгово-экономических связей не только с освоением континентальных, но и морских торговых путей.⁸ Именно эти процессы, по сути, и спровоцировали начало активного кораблестроения и становление сети каботажных транспортных коммуникаций [18, с. 14-27; 20; 21, с. 37-54; 67]. Таким образом, именно в период перехода к производству металлургии бронзы усилились контакты населения различных областей, что наводит на мысль о том, что каким-то образом эти два крайних полюса, Средиземноморский и Причерноморский как-то пересеклись. Очевидным выглядит и тот факт, что распространение строительства дольменов, несомненно, совпадает и с началом активного кораблестроения в Средиземноморье. Этот процесс мог также охватить и Причерноморье, и морская торговля стала основным источником появления дольменных традиций на побережье Абхазии. В этой связи необходимо поднять еще одну проблему, которая должна стать подспорьем в рассмотрении данной статьи. Речь идет о том, что, несомненно, создатели традиции мегалитизма в Средиземноморье должны как-то зафиксироваться в древней этноязыковой картине, или древнем этнолингвистическом ландшафте того периода. В этом отношении география Средиземноморского «мегалитизма» должна нами рассматриваться непосредственно в контексте истории населения носителей древних средиземноморских языков, куда входили реликтовые языки Южной и Западной Европы, островного Средиземноморья, Северной Африки и Древнего Востока. Все они, по сути, являются древними доиндоевропейскими реликтовыми народами и языками, наследием древнего, вероятно, даже палео-мезолитического населения интересующих нас областей [2, с. 97-110; 11, с. 75-94; 14, с. 208-218; 17, с. 13-16; 19, с. 51-70; 39, с. 34-42; 40; 42, с. 60-73; 43, с. 26-34; 80, с. 5-16; 82, с. 95-105.]. Среди них условно выделяют: «палеоиберийские» языки, «палео/древнесредиземноморские» языки, «палеобалканские» языки.⁹ Помимо прочего, данные лингвистики дают основание считать, что в Средиземноморье могли располагаться древние ареалы и ныне существующих языковых семей, к примеру, севернокавказской и ливиио-гуанчской [14, с. 208-218; 82, с. 95-105; 42, с. 60-73; 43, с. 26-34; 60]. В этом отношении

⁸ Несомненно, эти природно-климатические события послужили причиной активизации месопотамских центров протогородских цивилизаций в сторону создания крупных торговых артерий с более северными областями, в частности, с Кавказом. Главная цель этих торговых связей – создание прочных баз снабжения металлами. Именно так формировались культуры Кавказа, в частности «Майкопская», «Лейлатепинская» и, вероятно, «Куро-Аракская». Однозначно, речь может идти и о том, что буквально отдельные группы месопотамских торговцев проникали в эти области. Морские связи, по сути, – это другая сторона того же процесса, который охватил области Средиземноморья и Причерноморья.

⁹ Несомненно, следует констатировать факт, что в Эгейдо-Балканском регионе, наверное, уже располагались и очень ранние группы индоевропейского населения [80, с. 5-16].

представляет интерес факт зафиксированных контактов между ливиио-гуанчской и западнокавказской семьями языков.¹⁰ Данные лингвистики дают возможность поднять вопрос о географических очагах, где могли осуществляться подобные контакты. Автор данной статьи в рамках предварительной гипотезы допускает эти контакты в областях древней Эгеиды на рубеже конца IV – нач. III тт. до н.э. [18, с. 14-27; 21, с. 37-54]. С учетом весьма веских оснований того, что древние языки ливиио-гуанчской семьи когда-то были широко распространены и на ряде островов Средиземноморья и, вероятно, на побережье Средиземноморья не только Африки, но и Европы, дает право высказать осторожные предположения, что подобные языки могли быть распространены и на территории островов Эгеиды, то есть в непосредственной близости от ареала западнокавказской семьи языков.¹¹ Видимо, местом пересечения контактов, где встречался западносредиземноморский и причерноморский миры, должна была быть область где-то посредине средиземноморско-причерноморского очага, а именно – Эгеиде.¹²

Свидетельством активизации связей между областями Причерноморья и Средиземноморья, а также непосредственно областей Эгеиды, являются активные следы развития письменных «протознаковых» традиций, которые, несомненно, служат свидетельством активизации торгово-экономических связей. Как известно, помимо древневосточного очага письменности, хронологически почти одновременно шло формирование еще одного очага, Эгеидо-Циркумпонтийского, что, несомненно, свидетельствует о важнейшем векторе международной торговли в сторону Циркумпонтийской металлургической области. Таким образом, эти области были зоной, где первые попытки создания «протознаковых» систем были продиктованы активными торговыми связями, так как давно установлено, что эволюция письма изначально была связана с нуждами подсчета товаров. Несомненно, эта география контактов эпохи энеолита и бронзы не что иное как предтеча будущих контактов уже греческой и

¹⁰ Следует отметить, что эти данные основываются на весьма незначительном корпусе слов. Высказано мнение, что контакты эти хронологически относятся к V – нач. IV тт. до н.э. и происходили в Северной Сирии и Месопотамии [39, с. 34-42].

¹¹ Например, среди древнего населения создателей Минойской цивилизации могли быть какие-то реликтовые представители ливиио-гуанчской семьи. Однако, ради опять отметим, что это все носит крайне гипотетический вероятный характер как один из возможных вариантов.

¹² Однако надо помнить, что уже на раннем этапе становления архаичной культуры Крита, породившей феномен Минойской цивилизации, эти области были заселены как минимум несколькими группами народов, очевидно, генетически не родственными между собой. Среди них, несомненно, были и самые древние реликтовые языки индоевропейского круга, следы присутствия населения древней Анатолии, возможно, хаттского круга и, вероятно, Северного Африканского происхождения.

финикийской колонизации, которые по сути лишь возобновили эти старые связи в новых исторических реалиях. Обнаружение древних незначительных пока «протознаковых» систем в разных районах Причерноморья и Эгеиды и свидетельств их нахождения в областях Леванта рисуют нам еле проступающие контуры древних контактов еще дописьменного периода.¹³ Интересно в этой связи и то, что имели место попытки видеть в ряде письмен Эгеиды и вкрапления строя языков абхазо-адыгского круга, в частности, в линейном письме «А». Несомненно, география этих «протописьмен» свидетельствует о контактах населения западнокавказского этноязыкового круга с доиндоевропейским населением Эгеиды и других частей Средиземноморья периода расцвета мегалитизма [61, с. 165-167; 62, с. 86-88].¹⁴ Об этих контактах свидетельствуют географические следы распространения пока что не дешифрованного письма, известного как линейное письмо «А». Так, за пределами Крита это письмо отмечено хронологически периодом 1700 г. до н.э. и покрывает пространство от Восточного Средиземноморья (Тель-Хахор и Библ) до Адриатического побережья Италии (Монте Моррон). Известно это письмо и далеко во Фракии. Но самым интересным фактом стало то, что это письмо зафиксировано в Турции в местности Амис (Синоп) на южном побережье Черного моря, то есть в непосредственной близости от Черноморского побережья Кавказа. В этой связи интересно и то, что уже в позднеминойский и раннемикенский период Крита в линейном письме «Б» упоминается ряд известных областей Причерноморья, в частности, ра-ра-га-ко, то есть Пафлагонии и ко-ки-да или ко-ко-де-ја, то есть Колхида. Датируются эти данные периодом 1350–1200 гг. до н.э. Это, несомненно, свидетельствует о том, что письменная традиция «сумела успеть» зафиксировать более древние контакты между областями Средиземноморья и Причерноморья, восходящие еще к дописьменной эпохе [45, с. 155-159; 46, с. 303-311; 47, с. 118-119; 48, с. 22-28; 49, с. 14-19]. Здесь мы вплотную переходим к проблеме, которая в науке носит название «доколониционные» связи. Основной тор-

¹³ Обнаружение в Восточном Причерноморье «Майкопской» плиты, а в Западном Причерноморье – письма в виде так называемого «Тертерийского» письма до сих пор остаются дискуссионными в науке. Мы выскажем лишь нашу точку зрения, и суть ее такова. Несмотря на то, что они не получили в науке должного признания, вплоть до самого отрицания письменности как таковой, все равно наличие такой сложной знаковой системы однозначно свидетельствует о том, что общества отдельных областей Причерноморья шли по пути попыток создания как минимум протознаковых систем для торговых нужд. Возможно, они попросту не получили своего развития, так как местные общества сочли более удобным усвоение и использование уже существующих развитых письменных систем.

¹⁴ К сожалению, автору неизвестны другие работы подобного рода, и, разумеется, на основании такого незначительного корпуса информации не стоит делать далеко идущих выводов, и носит эта информация сугубо гипотетический характер.

гово-экономический интерес древних жителей Эгеиды в лице минойцев, а позже и индоевропейцев-микенцев были несомненно богатые и развитые металлургические центры побережья Черного моря, и, видимо, здесь следует искать следы лингвистических корреспонденций празападнокавказско-ливио-гуанчских (минойский период), а позже – празападнокавказско-древнегреческих (микенский период).¹⁵ Этих торговцев – носителей разных культурных миров – объединяли активные транссредиземноморские торговые контакты. Они и были теми, кто со временем привнес эту традицию строительства дольменов на Кавказ. Возможно, сами кавказцы видели эти дольмены либо по каким-то пока непонятным причинам были свидетелями этих погребальных традиций и этих ритуалов. Затем эта информация достигала берегов Кавказского Причерноморья. Необязательно, что бы они видели точные копии дольменов, они видели в областях того же Леванта, Малой Азии, западного Причерноморья и Эгеиды некие общие прототипы, которые послужили конструктивной концептуальной основой для будущих дольменов Кавказа. Вот почему абсолютной идентичности между дольменами Кавказа и Средиземноморья нет и не может быть, и не должно быть так, как на самом Кавказе впоследствии формировалась своя, если можно так сказать, архитектурная школа дольменотворчества. Несомненно, из всех областей «Большого Средиземноморья» где распространены дольмены именно на территории Кавказа эта традиция получила наиболее завершенные архитектурные формы. Сегодня сложно сказать, каким образом сюда на Кавказ проникли носители дольменотворчества, и в какой реальной обстановке осуществлялся сам механизм появления и распространения «дольменостроительной» идеи. Здесь могут быть несколько гипотетических сценариев.

1. Сюда на территорию Кавказского / Абхазского Причерноморья, совершила миграцию значительная группа переселенцев инородной этноязыковой природы. Тогда на этот счет порождаются новые вопросы, что это за этноязыковой инородный компонент где те географические рамки, откуда они мигрировали, и самое главное – причины, побудившие их к такой эмиграции.

2. Сюда проникает небольшая группа различной этноязыковой природы на почве распространения новой религиозной доктрины. Далее они стали генераторами передачи религиозной традиции, и со временем либо покинули эти прибрежные районы, либо растворились в местном окружении.

¹⁵ Все эти данные языкового характера, а также протописьменные системы, свидетельствуют, что области Эгеиды еще в энеолите и ранней бронзе были центрами торгово-экономических связей древних культур, среди которых были и представители западнокавказского языкового круга, включая сюда и хаттский, потому малозаметные следы контактов как будто бы и отмечаются в корреспонденциях между ливио-гуанчскими и западнокавказскими языками.

3. Ни о каком миграционном потоке, по сути, речь может и не идти. Скорее всего, появление традиции дольменотворчества следует связать с постепенным эстафетным распространением традиции «дольменотворчества» как части общеисторического феномена «мегалитизма». Связывать этот процесс следует в контексте активных торговых контактов населения Западного Кавказа с областями Малой Азии и Восточного Средиземноморья и Леванта.

Именно третий сценарий как будто бы и находит подтверждение, правда, пока единичным массивом данных. Именно во второй половине IV – начала III тт. до н.э. сюда проникают отдельные незначительные группы торговцев, которые знакомят местное население с идеей строительства дольменов, то есть выступают в роли передатчиков идеи дольменостроительства. Более того, и местное население могло иметь активные связи с населением других прибрежных районов Черного моря и, возможно, даже проникало с торговыми интересами в Эгейское море. Судя по географии, они шли, скорее, незначительными группами, и путь их, как не странно, не проходил по классическому маршруту вдоль западнокавказского побережья Грузии, а миновал этот район.¹⁶ Торговцы регулярно небольшими группами на кораблях приходили по пути, давно уже им известному, и оказывались на черноморском побережье Абхазии, по этому же пути двигались и торговцы с побережья Абхазии [13, с. 94-100; 22]. Видимо, эти незначительные группы и принесли с собой традиции дольменотворчества, и ими могли быть представители западнокавказского этнического мира. На протяжении некоторого времени происходил культурно-религиозный симбиоз, который породил религиозный синкретизм с культурами предшествующего периода. На черноморском побережье Кавказа смешение традиции «Протоколхидской» и дольменной культур породили такие синкретические формы, как «Отхарский» дольмен в кромлехе, а на Северо-Западном Кавказе смешение традиции «Майкопской» и дольменной культур породил такие синкретические формы, как «Новосвободненский» дольмен. Распространители идеи дольменотворчества были, несомненно, генераторами новых религиозных идей из числа самих представителей кавказского этнического мира, которые однажды занесли новую религию на свои родные берега.¹⁷ Однако не везде эта но-

¹⁶ В отношении Грузии не следует забывать, что там также присутствует ряд интересных памятников, которые тоже могут быть отнесены к мегалитическим сооружениям. Так, в Южной Грузии обнаружены и исследованы так называемые циклопические сооружения. [41, с. 164-165; 84, с. 123-124].

¹⁷ Сейчас идут активные исследования в области археоастрономии дольменов и изучения религиозного культового и ритуального содержания дольменной обрядовости. Данный аспект проблемы выходит за рамки задач данного исследования. Интересно отметить, что исследования в области археоастрономии также предполагают, что имела место инвазия идеи

вая религиозная доктрина получила распространение, как, например, к востоку от Кодора.¹⁸ Автор пока оставляет в стороне такой важный аспект, как религиозное содержание традиции дольменостроительства, выходящий за рамки статьи. Но отметим главное – дольменная традиция нашла живительную почву, так как находила много точек соприкосновения с религиозными воззрениями местного населения додольменного периода. Этим, возможно, и объясняется очень быстрое распространение данной религии и в собственно абхазо-адыгской среде, что четко фиксируется при наложении географии расселения абхазо-адыгов с географией распространения дольменов на Кавказе.¹⁹ В завершение статьи мы можем сделать ряд предварительных выводов.

1. Дольмены Абхазии и в целом Кавказа относятся к семейству традиции «камнестроительства», или «мегалитизма» Большого Средиземноморья и Большого Причерноморья.

2. Истоки «мегалитизма» в их самых ранних хронологических рамках следует связывать с волной неолитических приморских / прибрежных миграций вдоль южного Европейского и северного Африканского побережья Средиземного моря и вектора средиземноморских островов. Происходило это путем миграции как по сухопутной акватории, так и морским прибрежным путем уже с использованием лодок-протококораблей. Истоки этих Средиземноморских традиций следует искать в культурах Малой Азии и Северной Месопотамии периода раннего докерамического неолита с кругом культовых центров аналогичных Гебекли-тепе.

3. В эти ранние миграционные потоки могли быть вовлечены единственные претенденты – доиндоевропейское древнесредиземноморское население по сути лингвореликты в лице тирренской, баскской и ливиигуанчской семей языков, первых распространителей идей «мегалитизма» в Средиземноморье.

4. Непосредственно на территории Абхазии появление дольменов есть результат культурных, торговых контактов нашего населения с населением традиции мегалитизма и дольменотворчества, но не на уровне прямых контактов с центрами мегалитизма, например, в Западной Европе,

дольменостроительства на Кавказ из областей Восточного Средиземноморья и непосредственно Леванта [27, с. 133-138; 28, с. 1-39].

¹⁸ Возможно, новая религиозная доктрина не нашла поддержки, как, например, население к востоку от Кодора, которое не восприняло этот обряд, что не отражает обязательно некой этнической границы, якобы чуждой для дольменостроителей.

¹⁹ В основе культа дольменов лежат очевидно концепции перерождения, когда дольмен использовался и не только как комплекс солнцепоклоннического культа, но и как погребальная концепция *uterus*, как некое женское начало, утроба матери, нового рождения и некий промежуточный этап в сложении и осуществлении вторичного обряда захоронения.

а скорее, с эстафетным путем, ближайшие области этих контактов Эгеида – Малая Азия и Восточное Средиземноморье.

5. Наличие ряда важных, правда, пока не значительно выявленных языковых корреспонденций, которые фиксируются между языками северокавказского и непосредственно западнокавказского круга, всякого рода симптоматичные следы присутствия различных протознаковых систем как модели подсчета товаров, которые единичными вкраплениями широко отмечены, особенно в Эгеиде, а также наличие следов присутствия ряда архаичных субстратных языковых массивов в лице тирренской и ливиио-гуанчской семей позволяют именно эти области считать эстафетным генератором распространения идеи дольменотворчества на Кавказе.

6. Доказательством того, что именно Эгеида и Восточное Средиземноморье явились главными опосредованными территориальными генераторами идеи дольменотворчества являются ранние географические свидетельства о Кавказе и исторической области Колхиды, датируемые как минимум XIV в. до н.э. Несомненно, это говорит о том, что в письменной традиции успели зафиксировать информацию о более ранних контактах, которые осуществлялись между областями Кавказа и Эгеиды за два и даже три тысячелетия до их письменной фиксации.

7. Импульсом контактов и их причины, несомненно, крупные металлургические центры и, по сути, феномен дольменной культуры – это свидетельство самых ранних доколониционных связей Причерноморья с миром Большого Средиземноморья.

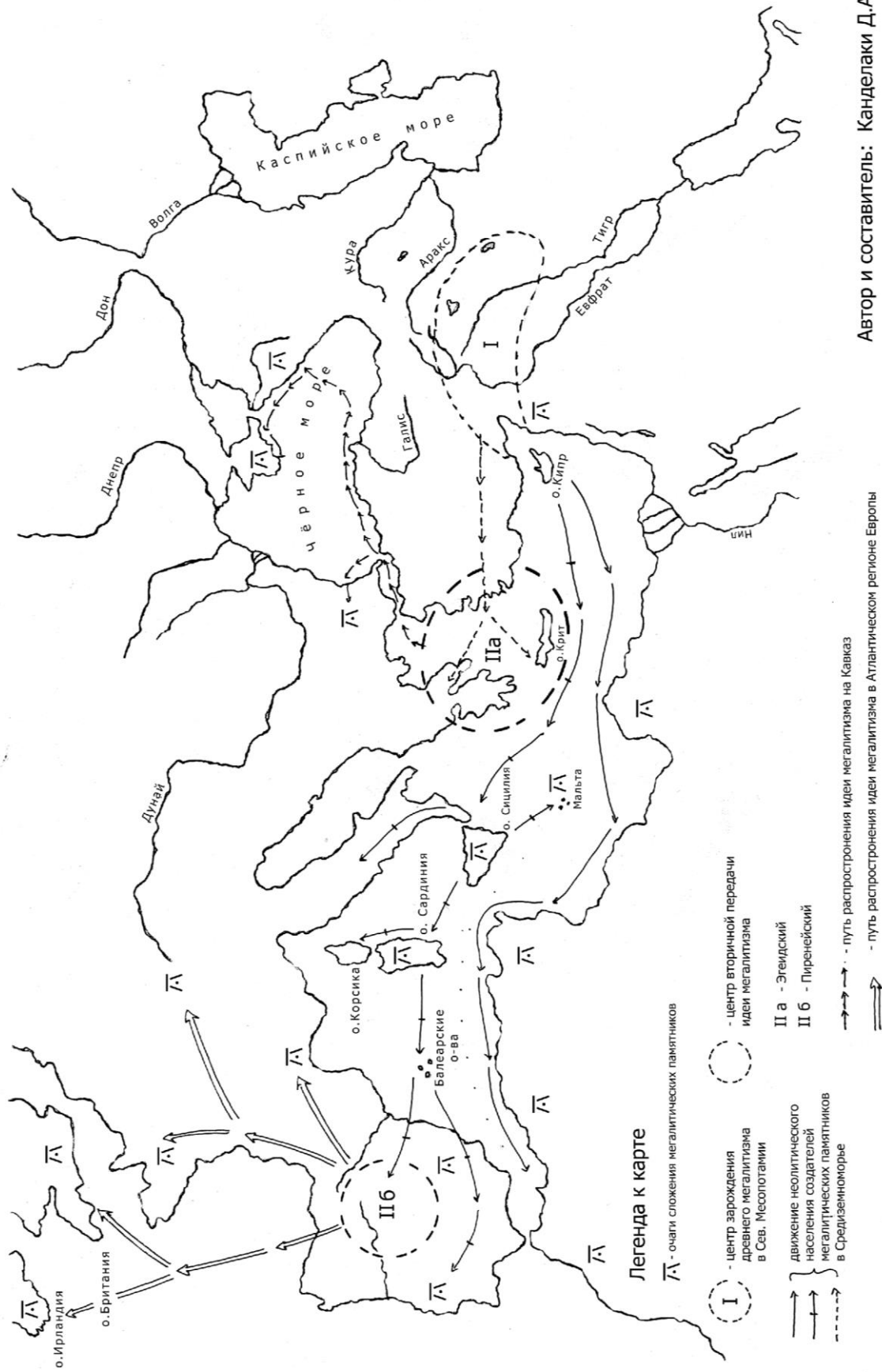
8. Дольмены Абхазии и в целом Северо-Западного Кавказа по своей архитектуре воплощают завершение эволюции дольменостроительства, и в этом смысле в лице дольменов на Кавказе следует видеть венец дольменотворчества как составной части феномена мегалитизма.

Список литературы и источников:

1. Анчабадзе, З.В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964.
2. Баюн, Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. Том I. Древняя Европа. – М., 1988. – С. 97-110.
3. Бжания, В.В. Кавказское Причерноморье – зона контакта майкопской, дольменной и протоколхидской культур эпохи раннего металла (IV – II тт. до н. э.). С. 5-12
4. Воронов, Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
5. Глазычев, В. Л. Зарождение зодчества. – М., 1984.
6. Григорьев, С.А. Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М., 2010. – С. 195-204.
7. Джапаридзе, О.М. Дольменная культура Грузии. Труды ТГУ. – Тбилиси, 1959. – Т. 77. – С. 77 – 126.

8. Дмитриев, А.В. Архитектура дольменов Западного Кавказа (размышления на тему) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2020., – № 81. – С. 30-83.
9. Дмитриев, В.А. О метрологии дольменов Абхазии // Вторые международные «Иналиповские» чтения (Сухум, 11 – 13 октября 2011 года).– Сухум, 2016. – С. 326-349.
10. Долуханов, П.М. География каменного века. – М., 1979.
11. Дыбо, В.А. Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). IV // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах. Книга I. – М., 2006. – С. 75 – 94.
12. Жио, П.Р. Атлантические регионы Европы в эпоху Неолита // История человечества. – Т. 1. – М., 2003. – С. 600-619.
13. Золотарев, М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 94-100.
14. Иванов, В.В. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток этнокультурные связи. – М., 1988. – С. 208-218.
15. Инал-ипа, Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). – Сухуми, 1971.
16. Инал-ипа, Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Второе, переработанное и дополненное издание // Труды. Том III. – Сухум, 2011. – 688 с.
17. Казанский, Н.Н. Этническое и лингвистическое многообразие древних Балкан // Балканские чтения. Балканский тезарус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах. – М., 2019. – Вып. 15. – С. 13-16.
18. Канделаки, Д.А. Ранние этапы этногенеза западнокавказской (абхазо-адыгской) общности эпохи камня и палеометалла. Сборник материалов научных статей Национального музея Республики Адыгея. – Майкоп, 2014. – Вып. V. – С. 14 – 27.
19. Канделаки, Д.А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология. Научное наследие Ф.А. Щербины. – Краснодар, 2016. – С. 51- 70.
20. Канделаки, Д.А. О географии древних путей Восточного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // 60-ая Итоговая научная сессия АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА посвящ. 200-летию П.К. Услара. – Сухум, 12-14 апреля 2016 года. URL: ponto-caucasica.org
21. Канделаки, Д.А. У истоков этногенеза абхазо-адыгов. Материалы VI Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур.– Сухум, 2017. – С. 37-54.

Карта. Распространение традиций «МЕГАЛИТИЗМА»
в областях Средиземноморья и Причерноморья

Автор и составитель: Канделаки Д.А.

22. Кац, Т.П. К вопросу о периодизации древнейшей истории Сардинии // *Античный мир и археология*. – Саратов, 1979. – Вып. 4. – С. 191-204.
23. Кизилов, А.С., Пшеноков, В.А. Отражение данных «Аргонавтики» Аполлония Родосского в географических фактах Черноморского побережья Кавказа // *Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников*. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова (20-24 ноября 2016 г., г. Сухум) – Сухум, 2016. – С. 145-149.
24. Кизилов, А.С., Шариков, Ю.Н. Западная граница распространения ареала дольменов на Кавказе. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26 – 28 мая 2015 г.). – Краснодар, 2015. – С. 128-133.
25. Корниенко, Т.В. Храмы Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита. *Вестник древней истории*. – 2002., № 2. – С. 32-113.
26. Крупнов, Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // *Советская Археология*, 1964. № 1. МС. 26-43.
27. Кудин, М.И. Менгиры в дольменной культуре Западного Кавказа // VIII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. – Краснодар, 2018. – С. 133-138.
28. Кудин М. И. Астрономическое и календарное значение петроглифов дольмена «Дудугуш-1». Реконструкция некоторых космологических мотивов в культуре строителей дольменов Западного Кавказа. URL: *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2021, № 9(1). – С. 1-39.
29. Куфтин, Б.А. Материалы по археологии Колхиды. – Том I. – Тбилиси, 1949.
30. Кэлас, Л. Мегалитические памятники Европы // *История человечества*, – Т. 1. – М.: ЮНЕСКО, 2003. – С. 630-649.
31. Лавров, Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа*. – Сухуми, 1960., – Т. XXXI. – С. 101-178.
32. Мажена Шмит. Кавказ, дальние западные контакты в IV и III тыс. до н.э. Факты. Концепции. Дискуссии // *Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)*. Материалы Международной конференции и Гумбольдт-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). – СПб., 2015. – С. 94-97.

33. Марковин, В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик, 1974.
34. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – 328 с.
35. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности // Първи Международен симпозиум Тракия Понтика I. Общая тема: «Черно море и средиземноморския свят». – Созопол, 9-12 октомври 1979 година. – София, 1982. – С. 108-124.
36. Марковин, В.И. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. – М., 1988. – С. 83-119.
37. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – Археология с древнейших времен до средневековья; в 20 т. – М.: Наука, 1994.
38. Марковин, В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. – 1997.
39. Миллитарев, А.Ю., Старостин, С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 34-42.
40. Молчанов, А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. – М., 1992.
41. Нариманишвили, Г., Шаншашвили, Н. Мегалиты и культ предков на Южном Кавказе // Международная научная конференция «Археология. Этнология. Фольклористика Кавказа». (Батуми, 7-8 сентября 2006 г.). Сборник кратких содержаний докладов. – Тбилиси, 2007. – С. 164-165.
42. Николаев, С.Л. Севернокавказские заимствования в греческом и хеттском языках // Древняя Анатолия. – М., 1984. – С. 60-73.
43. Николаев, С.Л., Старостин, С.А. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 26-34.
44. Пиотровский, Ю.Ю. «Майкоп» и Древний Восток // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 1993. – С. 48-50.
45. Писаревский, Н.П. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадияльного родства и различий. Дворцовая цивилизация и морское дело // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. – 2013. – С. 155-159.
46. Писаревский, Н.П. Островные общества Эгеиды эпохи бронзы и морской ландшафтный подход к их изучению в современной зарубежной археологии // Верхнедонской археологический сборник. – 2014., – С. 303-311.
47. Писаревский, Н.П. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадияльного родства и различий // Исторические записки. – Воронеж, ВГУ. 2015., – 17. С. 118-119.

48. Писаревский, Н.П. Новейшие результаты исследования мореплавания и морских связей древнего Средиземноморья в зарубежной историографии и археологии // Научные ведомости. Серия: История. Политология. – 2018., Т. 45., № 1. – С. 22-28.
49. Писаревский, Н.П. Микены и Черное море // Вестник ВГУ. Серия: история; политология; социология. – 2019., № 2. – С. 14-19.
50. Пхакадзе, Г.Г. Некоторые соображения о дольменах Абхазии // Международная конференция «Археология» (IV) и «Этнология» (III). – Кавказ. – Тбилиси, – 2002.
51. Пхакадзе, Г.Г. Колхидская раннебронзовая культура // Археология Кавказа. – Тбилиси, 2009 – 2010., – № 2 – 3. – С. 74-81.
52. Резепкин, А.Д. О распространении дольменов Западного Кавказа // КСИА. 1982. Вып. 169. – С. 32-38.
53. Резепкин, А.Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – 1988. – С. 156-163.
54. Резепкин, А.Д. К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). – Тула, 2010. – С. 412-422.
55. Рысин, М.Б. Датировка комплексов из Эшери // Советская археология, 1990. – № 2. – С. 18-27.
56. Рысин, М.Б. Датировка комплексов из Эшери // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1990., Вып. 199. – С. 9-16.
57. Рысин, М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 1997. – Археологические изыскания. – Вып. 46. – С. 85-123.
58. Рысин, М.Б. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1991. – С. 48.
59. Сафронов, В.А. Кавказ в раннебронзовую эпоху и проблема локализации индоевропейской прародины («кавказский узел индоевропейской проблемы») // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 82-86.
60. Сафронов, В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989.
61. Сергеев, В.М. Структурный анализ текста и проблема идентификации языка диска из Феста // Структура текста – 81. Тезисы доклада симпозиума. – М., 1981. – С. 165-167.
62. Сергеев, В.М. К вопросу о фонетической структуре языка минойского «А» // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 86-88.
63. Сергеев, В.М., Цымбурский, В.Л. Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию письма //

Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 89-92.

64. Смирнов, А.М. Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики // *Stratum plus*. – № 2. 2010. – С. 169-184.

65. Смирнов, А.М. "Ограбленные" дольмены Кавказа и биллокальный погребальный обряд // *Stratum plus*. – № 2. 2015. – С. 111-118.

66. Снисаренко, А.Б. Курс – Море Мрака (четыре шага за пределы ойкумены). – М., 1982.

67. Снисаренко, А.Б. Властители античных морей. – М., 1986.

68. Соловьев, Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа*. – Сухуми, 1960. – Том XXXI. – С. 69-100.

69. Требелева, Г.В., Сакания, С.М., Кизилов, А.С., Глазов, К.А., Кудин, М.И., Марков, Д.Н. О географическом распространении культуры строительства дольменов на Кавказе: к вопросу о южной границе // *Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география*. – 2021., – № 5. – С. 76-84.

70. Трифонов, В.А. 1983. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // *КСИА*. – 1987. – Вып. 192. – С. 18-26.

71. Трифонов, В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // *МАЕ*. – СПб., 1996.

72. Трифонов, В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // *Дольмены – свидетели древних цивилизаций*. – Краснодар, 2001.

73. Трифонов, В.А., Зайцева, Г.И., Плихт, Х., Бурова, Н.Д., Семенцов, А.А., Ришко, С.А. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова*. – Кн. 2. – СПб., 2012. – С. 100 - 107.

74. Трифонов, В.А., Крайнева, А.А., Зайцева, Г.И., Плихт, Х., Богомолов, А.А., Бурова, Н.Д., Семенцов, А.А., Ришко, С.А. Дольмен «Шепси» и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе // *Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. 5-7 февраля 2013* – М.: ИА РАН, 2013. – С. 37-38.

75. Трифонов, В.А. Горы и равнины: Модель культурного развития Западного Кавказа в V – III тыс. до н.э. // *Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)*. Материалы Между-

народной конференции и Гумбольдт-лектория (5-8 октября 2015 года Санкт-Петербург). – СПб., 2015. – С. 115-119.

76. Федоров, Я.А. О дольменной культуре Западного Кавказа и их носителях (в порядке постановки вопроса) // Вестник Московского Государственного Университета, Серия: История, – 1974., – № 4. – С. 78-94.

77. Цвинария, И.И. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. – Тбилиси, 1990.

78. Цвинария, И.И. Строительное дело и архитектура Абхазии в эпоху бронзы // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. – Сухум, 2004. – Вып. III. – С. 3-29.

79. Чайлд, Г.У истоков европейской цивилизации. – М., 1957.

80. Чередниченко, А.Г. Индоевропейская проблема и Эгеида // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011., – № 7 (102). – Выпуск 18. – С. 5-16.

81. Черных, Е.Н., Орловская, Л.Б. Радиоуглеродная хронология Майкопской археологической культуры // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала, 2007. – С. 10-27.

82. Чирикба, В.А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 95-105.

83. Шамба, Г.К. Эшерские кромлехи. – Сухуми, 1974.

84. Шаншашвили, Н., Нариманишвили, Г. Раскопки «циклопических» поселений в Цалском районе // Археологическая конференция Кавказа – I. Краткие содержания докладов. – Тбилиси, 1998. – С. 123-124.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

Искусство и погребальный обряд позднего каменного века

Самара 24–26 апреля 2023 года

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND
EDUCATION

ALABIN SAMARA LOCAL HISTORICAL MUSEUM

Art & Burial Practices In Late Stone Age

Samara – Saint-Petersburg 2023

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМ. П.В. АЛАБИНА

ИСКУССТВО И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА

Самара – Санкт-Петербург 2023

Утверждено к печати Учёным советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.А.Выборнов, д.и.н. Е.М.Колпаков, к.и.н. Е.С.Ткач, к.и.н. Д.А.Сташенков

Editorial Board:

Aleksander Vybornov, Dr. of History; Eugenyi Kolpakov, Dr. of History; Evgenia Tkach,
Candidate of History; Dmitry Stashenkov, Candidate of History

Рецензенты:

докт.ист.наук В.В.Ставицкий (Пензенский ГУ), канд.ист.наук О.В.Лозовская (ИИМК РАН)

Reviewers:

Vladimir Stavitskiy, Dr. of History (Penza State University), Olga Lozovskaya (IHMC RAS),
Candidate of History

Искусство и погребальный обряд позднего каменного века :

Материалы симпозиума (Самара 24–26 апреля 2023 г.) – Самара–СПб.:

ИИМК РАН, 2023. 127 с.

ISBN: 978-5-6047952-8-6

doi.org/10.31600/978-5-6047952-8-6

Сборник содержит материалы докладов, представленных на международной конференции «Искусство и погребальный обряд позднего каменного века» (24–26 апреля 2023 г.). Публикуются материалы как погребального обряда, так и искусства позднего каменного века от Чукотки до Кавказа и Севера России.

Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

Abstracts of the International Conference “Art & Burial Practices In the Late Stone Age” include reports of the conference held on April 24–26 2023 in Samara. Here are the materials of both the funeral rite and the art of the late Stone Age from Chukotka to the Caucasus and the North of Russia.

The book is intended for humanitarian scientists (archaeologists, historians, ethnographers, etc.) and specialists in contiguous disciplines, students of humanitarian faculties of universities, as well as a wide range of readers interested in humanitarian knowledge.

На обложке предметы погребального инвентаря из грунтового могильника Екатерининский мыс (из фондов СОИКМ им. П.В.Алабина)

On the cover the grave goods from the ground burial Ekaterinovskiy Mys (Alabin Samara Local Historical Museum)

ISBN: 978-5-6047952-8-6

©Институт истории материальной культуры РАН

©Самарский государственный социально-педагогический университет

©Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина

©Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА

<i>Бобров В.В., Марочкин А.Г.</i> Погребальная практика населения Западной Сибири в позднем неолите: к проблеме выделения тенденций и региональной специфики	9
<i>Бердников И.М., Соколова Н.Б.</i> Неолитические погребальные традиции Байкало-Енисейской Сибири как отражение региональной социокультурной динамики	11
<i>Герман К.Э.</i> К вопросу о погребениях и погребальном обряде в позднем неолите Карелии	13
<i>Шумкин В.Я.</i> Погребальный обряд древнего (II тыс. до н.э.) населения северного побережья Мурманской области по данным раскопок Кольского Оленеостровского могильника	14
<i>Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е.</i> Новые данные о погребальных комплексах поздней ушковской культуры (Камчатка)	17
<i>Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.</i> Погребения поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) как маркеры сакрализации жилого пространства	20
<i>Жульников А.М.</i> Особенности погребального обряда энеолитического населения Карелии и сопредельных регионов	22
<i>Андреев К.М.</i> Мезо–неолитические погребения в лесостепном Поволжье (проблемы интерпретации)	25
<i>Сурков А.В.</i> Погребальный обряд нео–энеолитического времени населения лесостепного Дона	27

<i>Скоробогатов А.М.</i> Особенности мариупольской погребальной обрядности на Среднем Дону	29
<i>Смольянинов Р.В.</i> Погребения эпохи энеолита с поселения–могильника Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж	30
<i>Выборнов А.А., Кулькова М.А.</i> Погребения нео–энеолита Волго-Уралья и воротничковый комплекс	33
<i>Шипилов А.В.</i> Меллятамакский V могильник: к вопросу о культурно-хронологической принадлежности	35
<i>Гусенцова Т.М.</i> Погребения в жилище эпохи энеолита поселения Лобань 1 в бассейне р. Вятки	36
<i>Шнайдер С.В., Березина Н.Я., Алишер кызы С., Васильев С.В., Филимонова Т.Г., Бужилова А.П.</i> Новые данные по палеоантропологическим находкам периода неолита запада Центральной Азии	38
<i>Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Зубова А.В.</i> Антропологические находки на памятниках неолита Верхнего Подвинья	41
<i>Недомолкина Н.Г.</i> Интерпретация погребального обряда неолитического населения Верхней Сухоны	42
<i>Иванищева М.В., Иванищева Е.А.</i> Хронология погребальных комплексов на Тудозере в Южном Прионежье	45
<i>Манько Н.В.</i> Вторичные погребения как отражение обрядово-ритуальной деятельности в могильниках мариупольского типа	48

Савченко С.Н., Тербергер Т.
Случайные находки человеческих черепов на Шигирском торфянике 50

Канделаки Д.А.
Об одной гипотезе происхождения обряда вторичного захоронения на территории Абхазии 52

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Алишер кызы С., Риго С., Янина Т.А., Шнайдер С.В.
Персональные украшения в мезолитических комплексах Восточного Прикаспия 54

Яковлева Е.С.
Каменные поделки стоянки Кедровый мыс-1 56

Костылёва Е.Л., Уткин А.В.
Янтарь из захоронений волосовской культуры сахтышских могильников: гендерно-хронологический аспект 59

Юракова А.Ю.
Поселенческая и погребальная керамика населения Барабинской лесостепи в позднем неолите – начале эпохи палеометалла 61

Карманов В.Н.
Керамические поделки неолита, бассейн реки Вычегды 62

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Никитин В.В.
Древнейшие мифы, культы и обряды по археологическим материалам Волго-Вятского бассейна (каменный век) 64

Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф.
К вопросу о значении культа лошади и быка в степном и лесостепном Поволжье 67

Герасимов Д.В.
О символическом значении утилитарных кремнёвых артефактов позднего мезолита Карельского перешейка 69

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

<i>Молодин В.И.</i> Искусство эпохи неолита Западной Сибири	71
<i>Цыбрий А.В., Цыбрий В.В.</i> Искусство малых форм в неолите Нижнего Дона	81
<i>Кашина Е.А.</i> Искусство малых форм в лесной зоне: результаты комплексного изучения	85
<i>Колпаков Е.М., Киселёва А.М.</i> Орнамент в наскальном искусстве, на кости и керамике Северной Фенноскандии	86
<i>Юдин А.И.</i> Предметы искусства Варфоломеевской стоянки: истоки и эволюция	88
<i>Королёв А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.</i> Зооморфные образы в предметах погребального инвентаря раннеэнеолитического грунтового могильника Екатерининский мыс в Самарском Заволжье: типология, семантика	91
<i>Моргунова Н.Л.</i> Образ лося или лошади в искусстве нео–энеолитических культур юга Восточной Европы	94
<i>Кузнецов П.Ф.</i> Образ лошади в костяной пластике раннего энеолита	97
<i>Долбунова Е.В.</i> Искусство в контексте: орнаментированные изделия и предметы мелкой пластики раннего неолита п. Ракушечный Яр	101
<i>Мурашкин А.И.</i> Орнаментированные изделия из кости и рога на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская область)	102

<i>Малютина А.А., Мурашкин А.И., Такташева С.Д.</i> Предметы искусства и украшения поселения неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) из кости, рога и зубов: технология изготовления и использование	104
<i>Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Гринина Т.С.</i> Изделия из кости с орнаментом на мезолитической стоянке Погостище 15 в бассейне оз. Воже	107
<i>Панина С.Н.</i> Новые находки культовой пластики на Усть-Вагильском холме (лесное Зауралье)	110
<i>Борисевич Е.А.</i> Резное антропоморфное изображение со стоянки Коломцы Северного Приильменья	112
<i>Синицына Г.В.</i> Значение рисунка на гальке рессетинской культуры стоянки Ланино I/8	115
<i>Клементьева Т.Ю., Погодин А.А.</i> Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна	117
<i>Шорина А.А., Шорин А.Ф.</i> Глиняная пластика Кокшаровского холма	120
<i>Муравьев Р.И., Холкина М.А., Герасимов Д.В.</i> Глиняная фигурка водоплавающей птицы с поселения Берёзово 2	123
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	126

- Толмачёв В.Я. 1914. Древности Восточного Урала // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXIV. Вып. 9-10. Екатеринбург. С. 161–216
- Хвостов В.А. 2001. Захоронения эпохи неолита могильника Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень. С. 134–139
- Чаиркина Н.М. 2011. Погребальные комплексы эпохи неолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург.

Савченко Светлана Николаевна — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, г. Екатеринбург, Россия — sv-sav@yandex.ru

Тербергер Томас — Государственное агентство по охране культурного наследия Нижней Саксонии, г. Ганновер, Германия — thomas.terberger@phil.uni-goettingen.de

Канделаки Д.А.

Об одной гипотезе происхождения обряда вторичного захоронения на территории Абхазии

Обряд вторичного захоронения имел широкое распространение на территории Абхазии. Хронологически он охватывает период с IV по I тыс. до н.э. и известен в различном ситуационном контексте, включая «оссуарные» захоронения, захоронения в дольменах, грунтовые захоронения, захоронения в пещерах, навесах, скальных нишах. Об этом обряде свидетельствуют данные этнографии и письменных источников, в которых вторичное захоронение фиксируется как «Воздушное захоронение», что рассматривается специалистами как один и тот же обряд, который известен вплоть до второй половины XIX века.

Для определения его генезиса следует обратить внимание на то, что подобный обряд был характерен не только для территории Абхазии, но и присущ обществам периода расцвета древних цивилизаций Востока. Тем самым обряд вторичного захоронения причинно связан с традициями эпохи расцвета древнеземледельческих цивилизаций, развитой земледельческой экономики и становлением крупных осёдлых поселений эпохи неолита.

Автор в предварительном порядке выдвигает следующую гипотезу. На начальном этапе зарождения земледелия в период мезолита шло первое знакомство людей со злаковыми, которое происходило в рамках хозяйственной практики сезонного собирательства урожая. Очевидно, что с

середины мезолита сходные процессы происходили как в Плодородном полумесяце, так и на территории Абхазии. В период зарождения земледельческого уклада мезолитические общины Абхазии, как и их ближневосточные соседи, уходили на длительные сезонные сборы злаков и, очевидно, такого злака как просо. В случае смерти человека во время таких сезонных сборов, скорейшая транспортировка тела была затруднительна. В качестве альтернативы и целесообразности тело оставляли для полной декарнации, а кости во время возвращения с очередного сезонного сбора злака было бы проще перенести в родное поселение. Вероятнее всего, в процессе осмысления этого способа сохранения тела, использовались различные варианты его «прятанья» в глубоких нишах пещер, труднодоступных трещинах скал, либо используя помосты или отдельно стоящие высокие деревья для подвешивания тела. В дальнейшем, с возникновением крупных поселений, данная практика закрепились уже в качестве обрядовой традиции, когда людей захоранивали с использованием двухстадийной погребальной практики.

К сожалению, пока сложно проверить достоверность высказанной автором гипотезы на фактическом материале. Однако в этой связи симптоматичны материалы из Холодного грота и ряда других пещер, которые с осторожностью можно связать с самым ранним свидетельством первой попытки использования этой традиции. Находки обугленных зёрен (очевидно, эндемичного вида проса), датированных финальномезолитическим периодом, вероятно, связанного с сезонным собирательством, как-будто наводит на такую мысль и не противоречат высказанной догадке.

Обряд вторичного захоронения уникален, так как функционируя на определённом отрезке истории, являясь отголоском древней погребальной практики, восходящей к периоду мезолита–неолита, так и не стал доминирующим. Однако глубокие корни этого обряда, сохранившиеся в духовной культуре, фольклоре и языке абхазов еще раз подтверждают, что территория Абхазии, скорее всего, шла по пути становления неолитических форм хозяйствования, и наличие обряда вторичного захоронения является его закономерным диагностирующим признаком.

Канделаки Давид Автандилович — Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа АН Абхазии; Пицундский археологический музей, г. Сухум, Абхазия — david_kandelaki@mail.ru

Канделаки Д. А. Колхидский природный рефугиум: очаги неолитизации и сложения западнокавказских этно - и лингвореликтов периода раннего голоцена. Тезисы. // Международная научная конференция «Проблемы истории и современности Черноморско-Кавказского региона». 3 - 4 октября 2023 года, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии Наук Абхазии. Сухум, 2023.

Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник Отдела Истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии Наук Абхазии (Республика Абхазия г. Сухум). Главный хранитель Пицундского археологического музея (Республика Абхазия г. Пицунда). Директор Научно-исследовательского центра «PONTO-CAUCASICA», Школы подготовки экскурсоводов и Абхазского лектория (Республика Абхазия г. Гагра).

david_kandelaki@mail.ru

Восточное Причерноморье и проблема неолитизации в зоне Колхидского природного рефугиума.

1. Географическое положение Абхазии вблизи ранних центров неолитизации на Ближнем Востоке вновь заставляет нас вернуться к проблеме хронологии и механизмов становления неолита на территории Восточного Причерноморья. Особенно актуально оно в связи с расположением нашей территории в области древнего Колхидского природного рефугиума.
2. Другой важной причиной, на которую следует обратить внимание — это наметившееся на современном этапе, заметное отставание территории Абхазии в изучении памятников неолита, а с другой стороны наметившееся среди ряда специалистов утверждение что неолита вообще не было на Западном Кавказе.
3. Для начала нам необходимо вновь затронуть проблему понятия «неолита», так как данный исторический этап как никакой другой «нагромождён» различного рода уточняющими дефинициям. Связано это с очевидным своеобразием протекавших процессов неолитизации в разных областях где мы его археологически фиксируем. Для автора данной статьи главным, определяющим и диагностирующим неолит как отдельную эпоху следует считать только один критерий производящую земледельческо-скотоводческую экономику.
4. По мнению автора, в период завершения оледенения и природно-климатических изменений переходных от неоплейстоцена к раннему голоцену, наметились две линии стратегии, адаптации и трансформации систем жизнеобеспечения древних обществ. Формировались они в двух основных зонах: А. в Европе, где стали складываться характерные адаптивные модели жизнеобеспечения, связанные с усложненным собирательством, охотой и рыболовством; Б. в Передней Азии, где в

областях, примыкающих к горным и предгорным массивам начался осуществляться переход к производящей экономике. Тем самым в период раннего голоцена изменения климата имели разные последствия. Если для Ближневосточной зоны (Передняя Азия) эти изменения спровоцировали начало перехода к производящей экономике уже на самых ранних этапах после завершения оледенения, то для зон, примыкавших к бывшим приледниковым областям (Европа) такого не происходит и здесь складываются общества с высокопродуктивным хозяйством, основанным на охоте и рыболовстве.

5. Таким образом в раннем голоцене сформировались две линии пути развития обществ – мезолитическая в Европе с высокопродуктивным рыболовством и охотой и неолитическая в Передней Азии с высокопродуктивным земледелием и скотоводством.
6. Уже в период раннего голоцена, на территории Восточного Причерноморья в очаге Колхидского природного рефугиума местные общества осуществляют ранний переход к систематическим усложненным формам сезонного собирательства злаковых культур. А в последующем они стали переходить к систематической доместикации растений включая зерновые культуры и в первую очередь проса, а позже и ряда плодовых культур, заложив тем самым первые зачатки агрикультуры подсечно-огневого земледелия и раннего садоводства. Этому фактору способствовали особенности орографии местности и ландшафтов горнолесных формаций с богатым флористическим составом.
7. Данные хронологии полностью соответствуют этой модели, и уже на раннем этапе голоцена в памятниках Колхидского природного рефугиума отмечены первые следы обугленных зерен проса и датируемые периодом X – IX тыс. до н. э. (Холодный грот, грот Апианча). География расположения и топография памятников в зоне Колхидского природного рефугиума рисуют нам типичную картину постепенного освоения населением уже на ранних этапах зарождения земледелия сначала горно-предгорных, а уже на позднем этапе и равнинно-прибрежных территорий. Аналогично тому как осуществляли подобное расселение и освоение плодородных долин и их ближневосточные соседи.
8. Резюмируя вышеизложенное можно считать установленным следующее
 - неолитизация в зоне Колхидского природного рефугиума хронологически осуществлялась синхронно с ближневосточными центрами
 - процесс перестановки системы жизнеобеспечения с последующей неолитизацией в пределах Колхидского природного рефугиума осуществлялся в промежутке уже с окончанием эпизода Позднего Дриаса и перехода к Бореалу 11 – 10 тыс. л. н. а завершился окончательно в Атлантический период примерно 8 – 7 тыс. л. н.

- здесь складывалась агрикультура подсечно-огневого земледелия и раннего садоводства лесосадов, а первыми культурам очевидно стали местные аборигенные виды просо и пшеница

- позже с формированием уже мощной земледельческой кормовой базы началось сложение и навыков скотоводства среди которых первыми были domestцированы коза и свинья.

Этно – лингвореликты Колхидского природного рефугиума периода раннего голоцена.

1. В связи с вышеизложенным самым актуальным на наш взгляд остается вопрос кем были создатели ранних неолитических культур Колхидского природного рефугиума и на каких языках они говорили?
2. Судя по данным археологии эпохи камня, антропологии и лингвистики, среди претендентов на роль вероятных прямых потомков создателей неолитических культур зоны Колхидского природного рефугиума, следует считать многочисленные общины потомков тех первых древних сапиенсов, которые были создателями верхнепалеолитических культур, периода экспансии ранних людей анатомически современного вида на территорию Восточного Причерноморья.
3. Самый неразрешимый в контексте рассмотрения данной проблемы вопрос — это определение характера и строя древних языков сапиенсов переходных этапов от неоплейстоцена к раннему голоцену. Были ли эти языки такими языками, для которых не сохранилось прямых потомков, существовали ли в ту эпоху иные языковые группы, семьи и макросемьи которые не сохранились до периодов близких к историческому и самое главное могут ли древние языки периода верхнего палеолита иметь продолжение в более поздних языках или все то многообразие языков было стерто более поздними историческими процессами.
4. Автором обосновывается тезис о том, что ключ к определению связи между многочисленными не сохранившимися языками верхнепалеолитических сапиенсов лежит в плоскости природных и климатических процессов периода переходного от неоплейстоцена к раннему голоцену, которые имели кардинальные эколого-демографические последствия для древних обществ.
5. В нашем случае автором рассматривается следующий гипотетический сценарий. С окончанием ледникового периода и с завершением эпохи неоплейстоцена и начала раннего голоцена, местные общины прямые потомки плейстоценовых сапиенсов стали переходить к сезонному собирательству злаковых культур. Позже, они переходят уже к domestкации диких культур и к классическому земледелию знаменуя тем самым переход уже к производящей земледельческой экономике. Все эти изменения в системе жизнеобеспечения находили отражение в изменении социальных структур общества и сопровождалась усилением межобщинных коммуникативных информационных связей, росту

демографических показателей. В такой ситуации автором допускается сценарий, при котором древние общины носители древних многочисленных реликтовых языков вовлекались в длительный популяционный и культурно-хозяйственный симбиоз. Они эти общины постепенно увеличивали численность своих групп осваивая плодородные и экологически наиболее пластичные предгорную и прибрежно-равнинные зоны.

6. Таким образом для древних этно-лингвореликтов Восточного Причерноморья в процессе их дальнейшей этноязыковой эволюции допускается некий локальный, в рамках данной Колхидской экологической ниши «мультирегиональный» сценарий конвергенции и смешения древних общин и как следствия языков их носителей. В процессе их смешения в языках их будущих потомков все более отчётливо стали вырисовываться архаичные контуры тех языков, которые все более будут приобретать строй языков западнокавказского круга.
7. Именно в рамках или лучше сказать территориальных границах Колхидского природного рефугиума примыкающего к Восточному Причерноморью разворачивались основные конвергентные этногенетические сценарии в процессе формирования такого древнего этно-лингвореликта коим и является западнокавказская общность.
8. Общность эта в своем облике есть результат сложения и длительной конвергенции коллективов общин древних сапиенсов Колхидского природного рефугиума на рубеже неоплейстоцена – раннего голоцена. Именно в границах этого природного очага и формировались все ее основные звенья, включая сюда как нынешних ее представителей в лице абхазо-адыгских народов, так и архаичных ее членов в частности хаттов и касков.
9. Данные лингвистики и в частности культурной лексики и лексики природного окружения включая сюда и морскую лексику со всей очевидностью показывают, что они вошли в предковый фонд западнокавказских языков в период, когда предки западнокавказцев в пределах Восточного Причерноморья, включая сюда Кавказскую и Анатолийскую ее части, одновременно со своими ближневосточными соседями осуществляли переход к неолитической производящей земледельческо-скотоводческой экономики в период раннего голоцена минуя мезолитический период. Эти процессы и запечатлелись в древних праязыковых основах всех западнокавказских языков и их носителей.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АХМАТА АБДУЛХАМИДОВИЧА КАДЫРОВА»**

**Материалы
VI Кавказского Международного экологического форума
«КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭКОСИСТЕМ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»**

20 – 21 октября 2023 г.

Грозный – 2023

УДК 574
ББК 20.01

Ответственный редактор: **Байраков Идрис Абдурашидович,**
кандидат биологических наук, доцент кафедры географии

Члены редколлегии: **Сатуева Лайла Ломалиевна,**
кандидат биологических наук, доцент экологии и природопользования

Вагапова Айна Баудиновна,
кандидат географических наук, доцент кафедры географии

Гакаев Рустам Анурбекович,
старший преподаватель кафедры географии

Комплексное изучение экосистем горных территорий / Сборник материалов VI Кавказского Международного экологического форума (Грозный, 20 – 21 октября 2023 г.). – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2023. – 418 с.

В материалах VI Кавказского Международного экологического форума «Комплексное изучение экосистем горных территорий» представлены доклады по следующим направлениям: природные и антропогенные угрозы экосистем горных территорий, биоразнообразие и заповедное дело, лесные и почвенные экосистемы горных территорий, роль природных и антропогенных факторов в динамике экосистем, ландшафтно-климатические изменения экосистем горных территорий, географические и климатические особенности горных территорий, экзогенные процессы и рельеф горных территорий, демографические и медико-биологические аспекты развития территорий, природные и антропогенные угрозы экосистем горных территорий.

Материалы публикуются в авторской редакции. Сборник адресован преподавателям, аспирантам и студентам, представителям государственных и муниципальных структур, представителям бизнеса, преподавателям школ и общественным деятелям, а также всем интересующимся вопросами природопользования горных территорий, климатологией, региональными проблемами устойчивого развития и защитой горных экосистем.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-91127-382-8

© Коллектив авторов, 2023 г.

© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Абасова Н.М., Рагимли Л.А. Сравнительный анализ комплекса вредителей цитрусовых и других субтропических культур в Ленкоран-Астаринской области Азербайджана.....	8
Абдурашидов А.М. Прибрежные озера в геозкосистеме городской агломерации: состояние и динамика (на примере Туралинских озер).....	13
Алексеева А.А., Касимова А.Р. Перспективы применения цифровых двойников с целью экологизации производства.....	16
Алексеева А.А., Степанова С.В. Исследования очистки воды от ионов меди плодовыми оболочками злаковых культур..	20
Аманова Ш.С. Классификация городских ландшафтов (на примере городов Кура-Аразской низменности).....	25
Ананина Т.Л., Ананина В.А. Адаптивные ответы жужелиц на климатические изменения в северном Прибайкалье.....	30
Аппоева Л.И. Туристско-экскурсионный потенциал КЧР как основа для развития турбизнеса.....	34
Атаев З.А. Модель разномасштабной энергосистемы Дагестана.....	37
Байраков И.А. Дубовые фитоценозы горно-лесного пояса Чеченской Республики. Структура и динамика.....	44
Байраков И.А. Особенности функционирования агропромышленного комплекса Чеченской Республики.....	47
Баранова И.С. Природные факторы здоровья населения Свердловской области.....	51
Барышников Г.Я., Барышников С.Г. Особенности строения рельефа горных сооружений Алтайского края и размещение на их территориях месторождений полезных ископаемых.....	56
Бовина Ю.А., Рыбакова А.М. Анализ угроз природного и техногенного характера на экосистему горных территорий Алматинской области Республики Казахстан.....	60
Борздыко Е.В. Биоиндикационная диагностика лесных экосистем в условиях природной горной территории п.Домбай.....	65
Бурцева Л.В., Кручина Е.Б. Результаты мониторинга содержания ртути, кадмия, свинца и меди в атмосферных осадках на территории Кавказского биосферного заповедника.....	69
Бусарова Н.В., Комаров Ю.Е. Материалы по фауне полужесткокрылых (Heteroptera) особо охраняемой природной территории «Заповедная Осетия-Алания».....	74
Варданян Г.В., Погосян Д.А. Экономико-статистический анализ выбросов в атмосферу и экологическая безопасность в Республике Армения.....	79
Вердиева В.Г. Эрозия горных серо-бурых почв и меры борьбы с ней.....	82
Гаджиева А.З., Джафарова Ф.М. Экологическая оценка загрязнения почв тяжелыми металлами в Восточном Зангезуре..	86

Голубничая С.Н. Ландшафно-рекреационные парки Донецкого региона в контексте развития экологического туризма.....	91
Гонгальский К. Б., Захарихина Л.В., Казеев К.Ш., Кудактин А.Н., Бочарников М.В., Веницкая Е.А., Литвинова К.М., Петрушина М.Н., Рогожина Е.В., Антипин М.И., Быхалова О.Н., Вилкова В.В., Черненко С.П. Последствия пожара 2020 г. на территории заповедника «Утриш» (северо-западный Кавказ).....	94
Горенков П.А. Прогнозирование пожаров, мониторинг местности и поиск термальных точек при помощи беспилотных летательных аппаратов.....	103
Горичев Ю.П. О Мезоклиматах низкогорий западного склона южного Урала (район широколиственно-темнохвойных лесов).....	106
Гуламов Э.Ж. Защита и эффективное использование плодородных почв.....	109
Гурбанова Ф.Х. Характеристика лесных и почвенных экосистем горных территорий.....	111
Дадашова Х.Д. Методы моделирования динамики развития городских ландшафтов в Азербайджане (на примере городов Гянджи и Мингачевира).....	113
Даукаев А.А., Гакаев Р.А. Особенности изменения климата в эпоху голоцена на Кавказе.....	119
Дега Н.С. Эколого-водохозяйственная оценка реки Кубани.....	121
Джемалдинов З.Ю., Сатуева Л.Л. Некоторые суждения об устойчивом развитии туризма.....	126
Дзуев Р.И., Шарипова А.Х., Канукова В.Н., Сабанова Р.К., Машукова К.А. Особенности биоресурсного потенциала и морфофизиологических показателей популяции ондатры в условиях Предкавказья.....	129
Дзуев Р.И., Шарипова А.Х., Канукова В.Н., Чепракова А.А., Жилиева Ф.Х. Фенетический анализ структур черепа Слепыша обыкновенного (<i>Spalax microphthalmus guldenstaedt, 1770</i>) в условиях северного макросклона Центрального Кавказа.....	133
Ермакова Ю.И., Нагорная Е.Г., Петров Л.А. Экологическая стабильность природных комплексов Макажойской котловины в окрестностях озера Кезеной-Ам.....	137
Жаббаров З.А., Номозов У.М., Имомов О.Н. Влияние препарата биосольвента на химически деградированные засоленные почвы.....	147
Жаббаров З.А., Номозов У.М., Имомов О.Н. Влияние нефтяных углеводородов на морфологические и механические свойства почвы.....	152
Жуков С.П., Мартынова Е.А. Айлант высочайший как чужеродное растение для экосистем Донецкого края.....	158
Загидуллина А.Т. Оценка параметров естественной динамики малонарушенных темнохвойных горных лесов левобережья Амура.....	161
Заманова Р. Влияние сроков и способов посева на структурные показатели и урожайность сорго в одиночных посевах.....	163

Ильина В.Н., Коннова Л.Н., Епишина П.А. Пространственно-онтогенетическая структура и состояние популяций примулы крупночашечной в Самарской области.....	170
Исаев М.И., Алдамов А.И., Ладаев М-К.Х. Построение математической модели нехватки пресной воды.....	173
Исаев М.И., Алдамов А.И., Кайхаев Р.Х. Построение математической модели нехватки пресной воды на примере Грозненского водохранилища «Грозненское море» в программе Excel.....	177
Канделаки Д.А. Гагрский район республики Абхазия: общая физико-географическая характеристика. Краткий обзор.....	182
Кирей В.В. Применение методов дистанционного зондирования Земли при осуществлении оценки потоков экосистемных услуг.....	189
Кобилев Э.Э., Батиров Х.Ф., Тухтаев М.К., Файзуллаев Ф., Шукруллоева М., Кумакова Х. Антропогенные факторы и продуктивность зимних культур в агроценозе.....	193
Комарова Н.А., Попов К.П. Современное состояние и видовое разнообразие луговых экосистем в районе проектирования экологических троп на южном склоне Карцинского хребта.....	200
Кравченко И.О. Обеспечение экокriminalогической безопасности в контексте реализации мер по охране природы.....	206
Козибоева О.М. Связь между климатическими показателями и постепенными изменениями ландшафта	210
Кушнов И.Д., Темботов Р.Х., Абакумов Е.В. Особенности почв высокогорных ландшафтов Цейского и Сказского ущелий (Республика Северная Осетия-Алания).....	215
Лиев К.Б., Куцев С.А. Формирование опасных конвективных облаков на территории Кабардино-Балкарской республики.....	221
Лесникова П.С., Захарихина Л.В. Гидрохимические особенности формирования состава рек Бзугу и Мацеста Черноморского побережья Кавказа.....	226
Мадреимов А.У. Изучение влияния циклов пожаров на динамику экосистем Приморского края.....	231
Мадреимов А.У. Анализ влияния нарушения природного баланса на биоразнообразие Приморского края и способы предотвращения этого влияния.....	233
Мальцев А.А., Петров Ю.В. Предложения для расширения сети мониторинга экзогенных геологических процессов на территории Тюменской области.....	235
Мамухина О.Ф., Петров С.Ю. Обратная сторона бытовой экономики в Тюмени: отходы в доходы, проблемы и решения.....	240
Махаммадиев С.К., Абдуллаев Ш.З. Влияние гидрогеля на pH почвы в условиях засухи.....	245
Мустафабейли Г.Л., Кахраманов М.А. Меры по восстановлению ландшафта и защите биоразнообразия Карабахского и Восточно-Зангезурского районов Азербайджана.....	249

Нуриева И.А., Ализаде В.Р. Трофические связи и продуктивность <i>Nyphantria cunea</i> (Lepidoptera, Arctidae) в природной области Большого Кавказа Азербайджана.....	256
Нуреева Т.В. К изучению фауны пауков семейства Gnaphosidae (Arachnida: Aranei) Исмаиллинского района (Азербайджан).....	259
Овчинникова С.В., Шушкеева Л.В., Цуканов Д.Ю. Урабанист-эколог как неотъемлемая часть городов будущего.....	262
Паламарчук А.А. Микропластик в пресноводных водоёмах: исследование, последствия и меры предотвращения.....	264
Петрушина М.Н. Особенности функционирования ландшафтов Макажойской котловины в зимний и летний периоды 2022 г.	267
Пивень П.В. Трансформации горно-лесного пояса Алтая вследствие климатических изменений.....	274
Пикалова Н.А., Руденко И.В., Бочко Т.Ф., Захарченко Е.И. Редкие виды растений в окрестностях хутора Кизинка (Краснодарский край).....	277
Погорелов А.В., Нетребин П.Б., Лагута А.А. Динамика и генезис форм донного рельефа Краснодарского водохранилища.....	284
Погорелов А.В., Вертлиб Э.М., Бойко Е.С. 3D-модель древесных насаждений города по данным лидарной съемки. Разработка и анализ.....	290
Разаков М.А. Проблемы подтопления городов с резким изменением рельефа местности.....	297
Решетняк В.Н. Пространственно-временная изменчивость содержания металлов в донных отложениях рек Восточного Донбасса.....	301
Рогожина Е.В. Микробные сообщества палеопочв горных территорий Сочинского Причерноморья как индикаторы климата и условий почвообразования в прошлом.....	305
Романов А.А. Горные районы севера Среднесибирского плоскогорья – структурный элемент миграционных путей водно-околоводных птиц.....	308
Руденко И.В., Пикалова Н.А., Волкова Т.А. Мониторинг и выявление местонахождений <i>Campanula pendula</i> Vieb. (<i>Campanulaceae</i>) в Краснодарском крае	316
Рыфф Л.Э. Особенности видового состава и структуры флоры высокоможжевеловых редколесий горного Крыма.....	320
Сайфуллаева С.Г., Абдуллаев Ш.З. Значение факторов окружающей среды для здоровья человека	324
Сальва А.М., Цуранов Н.А., Иванова М.С., Романов С.С. Батагайский термокарст в районе горного хребта в Якутии	328
Сатыева Л.Л., Таипова Х.М. Особенности формирования и функционирования пойменных лесных массивов.....	332
Сафонова М.С., Табунщик В.А., Горбунов Р.В., Горбунова Т.Ю. Факторная энтропия лесных экосистем Юго-восточного Крыма.....	335
Слепых В.В., Поволоцкая Н.П., Слепых И.В. Влияние таксационных показателей древостоев на ионизацию приземной атмосферы горных курортов.....	339

Табунщик В.А., Горбунов Р.В., Горбунова Т.Ю., Сафонова М.С. Использование ГИС для моделирования развития процессов эрозии и оценки факторов ее вызывающих (на примере территории бассейнов рек северо-западного склона Крымских гор).....	347
Турун П.П. Роль опорных центров в сельском расселении региона.....	351
Умаров Ш.Ш., Петров Ю.В. Сравнительный анализ нормативного правового регулирования шумового загрязнения в российском и таджикистанском законодательстве.....	353
Фетисов Д.С., Демихов В.Т. Роль природоохранной деятельности заповедника «Брянский лес» в поддержании биологического разнообразия.....	356
Халиева А.А., Яицкая Н.А. Многолетняя динамика береговой линии Сочинского Причерноморья.....	360
Хамидов А.А. Ферганская долина: климатические и гидрологические исследования	364
Харыбина А.С. Особенности контроля опасных геологических процессов вдоль полосы землеотвода Транссахалинской трубопроводной системы на территории Макаровского района с помощью данных ДЗЗ.....	371
Чембарисов Э.И., Баллиев А.И. Динамика водоносности и минерализации реки Амударьи.....	374
Чембарисов Э.И., Баллиев А.И. Загрязненность озерных экосистем южного Приаралья.....	382
Черятова Ю.С. Угрозы биоразнообразию горных экосистем в условиях изменения климата.....	388
Шалимов И.В., Бабаев Р.Р. Социально-экономические аспекты устойчивого развития территорий: проблемы и условия обеспечения.....	391
Шимаев Т.С., Булаева Н.М. К вопросу об устойчивости экосистем	394
Шимаев Т.С., Мусаев Х.З. Изменение климата и восстановление экосистем	401
Шкляр А.П. Устойчивость сельских территорий в условиях неопределенности.....	405
Шкуратова Н.В. К анатомии <i>Spartium junceum</i> L. (Fabaceae).....	409
Элизбарашвили Н., Бубашвили Л., Элизбарашвили Р., Давиташвили Л. Географо-экологические особенности горных регионов и ландшафтные индикаторы устойчивого развития.....	411

ГАГРСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ: ОБЩАЯ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. КРАТКИЙ ОБЗОР

Д.А. Канделаки,

*м. н. с. Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулия Академии Наук Абхазии. Сухум, Республика Абхазия.*

*Главный хранитель, Государственный историко-архитектурный заповедник «Великий
Питиунт», Пицундский археологический музей. Пицунда, Республика Абхазия.*

*Директор Научно-исследовательского центра «PONTO-CAUCASICA», школа подготовки
экскурсоводов и абхазский лекторий, Гагрского гуманитарно-промышленного техникума им.
Б.Г. Кехирипа, Гагра, Республика Абхазия*

Аннотация. В статье приводятся краткие обобщающие данные по физической географии Гагрского района. Статья выходит с некоторым ограничением и носит обзорный характер с изложением общей информации с использованием самых последних научных данных в области физической географии района. С учетом активного сотрудничества России и Абхазии в сфере научного, культурного и экскурсионно-туристического интересов статья должна представлять интерес для широкого круга читателей и специалистов. Также автор постарался по возможности привести и некоторые историко-этимологические экскурсы по топонимике и гидронимике географических и исторических указанных в статье объектов.

Ключевые слова: Республика Абхазия, Гагрский район, Гагрский хребет, Гагрский залив, Пицундский залив, Гагра, Цандрипш, Пицунда, Псоу, Бзып, Хашупсе.

GAGRA DISTRICT OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA: GENERAL PHYSICAL AND GEOGRAPHICAL CHARACTERISTICS. SHORT REVIEW

D.A. Kandelaki,

*Junior Research Fellow Abkhazian Institute for Humanities
named after D.I. Gulia under the Academy of Sciences of Abkhazia.*

*Sukhum, Republic of Abkhazia Chief curator, State Historical and Architectural Reserve "Great
Pitiunt", Archaeological Museum of Pitsunda. Pitsunda, Republic of Abkhazia Director of the
Research Center "Ponto-Caucasica", school for training guides and Abkhaz lecture hall, Gagra
Humanitarian-Industrial College named after. B.G. Kehiripa, Gagra, Republic of Abkhazia*

Abstract. The article provides brief summarizing data on the physical geography of the Gagra district. The article is published with some limitation and has an overview nature, presenting general information using the latest scientific data in the field of physical geography of the region. Taking into account the active cooperation between Russia and Abkhazia in the field of scientific, cultural, sightseeing and tourism interests, the article should be of interest to a wide range of readers and specialists. The author also tried to give some historical and etymological excursions on the toponymy and hydronymy of the geographical and historical objects indicated in the article.

Keywords: Republic of Abkhazia, Gagra district, Gagra Range, Gagra Bay, Pitsunda Bay, Gagra, Tsandripshch, Pitsunda, Psou, Bzyp, Khashupse.

Гагрский район занимает самый северо-западный угол Республики Абхазия, его площадь 772, 4 кв. км, что составляет до 10% территории страны, и имеет протяжённость вдоль побережья на 43 км [1]. Границы района на северо-западе проходят по реке Псоу и совпадают с государственной границей Республики Абхазия и Российской Федерации и непосредственно с ее субъектом – Краснодарским краем и Сочинским районом (Большой Сочи). На юге район омывается водами Черного моря. На юго-востоке и востоке граничит с Гудаутским районом Республики Абхазия, где граница проходит по восточным склонам Гагрского хребта, реке Юпшара, по нижнему течению реки Бзыбь и далее по западным склонам Мюссерской возвышенности. На севере граница проходит по Водораздельному или Главному Кавказскому хребту и на всем протяжении также совпадает с государственной границей Республики Абхазия и Российской Федерацией. Именно в этом месте к северо-

востоку от г. Арашшха/ Арашшъха расположена самая крайняя северная точка Республики Абхазия. Следует обратить особое внимание на то, что границы эти, как административные, так и политические, государственные никогда не совпадали с территориальными границами этнического и исторического расселения абхазов. Также следует отметить, что в период вхождения Абхазии в состав Российской империи имели место постоянная перекройка границ тогдашних губерний, городов, уездов и т.д. Так, с образованием 23 мая 1896 года Черноморской губернии ее граница была отодвинута к юго-востоку вплоть до современной черты Гагра и проходила по хребту Жовеху и реке Жоквара (Сапёлкин, 1999)¹. Уже в 1904 году через год после официального открытия Гагрской Климатической Станции (9 января 1903 г.) е. и. в. Принц А.П. Ольденбургский включил территорию Гагра вплоть до реки Бзып в состав Черноморской губернии. Окончательно граница Абхазии и России по реке Псоу сформировалась уже после установления советской власти в Абхазии (4 марта 1921 года), а точнее в 1929 – 1930 гг. (Абхазия, 2022). Гагрский район считается своего рода воротами в Абхазию. После распада СССР, событий Грузино-Абхазской (Отечественная Война Народа Абхазии) войны 14 августа 1992 – 30 сентября 1993 гг. здесь у населенного пункта Гячрыпш / Гячрыпц по реке Псоу был создан пограничный и таможенный пропускной пункт на государственной границе Республики Абхазия и Российской Федерации, именуемый в официальных государственных, межведомственных и международных документах пограничный пункт «Псоу», через который осуществляются пограничный, паспортный и таможенный контроль². Сейчас через эту границу проходят основные пассажиро- и товарообороты между РА и РФ, осуществляется транспортное сообщение по автомобильной дороге, а уже с 2000 года было возобновлено железнодорожное сообщение Москва – Сухум. Являясь стратегически важным, именно пункт «Псоу» осуществляет связь с внешним миром, через него проходят основные маятниковые миграции населения как в Абхазию, так и в Россию. В Гагра также на протяжении многих лет осуществляется и нерегулярное морское сообщение.

В физико-географическом отношении Гагрский район отличается своеобразием, что обусловлено особенностью его геологической истории. В пределах района выделяют два самых крупных морфоскульптурных блока – массив Гагрского хребта и прибрежная равнина. Крупнейший орографический объект – Гагрский хребет (по абх. Гаграшъха), который достигает максимальных высот у крайнего северо-восточного угла Гагрского района, где располагается самая высокая точка Гагрского хребта гора Агепста – 3261 м. н.у.м. (в других источниках указывают 3256 м. н.у.м.). Здесь же, на Гагрском хребте, расположено и самое высокое карстовое плато на Кавказе – плато Арбаика с ее наивысшей точкой горой Арбаика высотой 2661 м. н.у.м. (по другим источникам – 2657 м. н. у. м.)³. Именно с этого карстового массива берут свои истоки многочисленные реки, такие как Гега, а также река Хашупсе с ее главным притоком Сандрипш, Жоквара, Гагрыпш, приток Псоу – река Пхиста. На юге у самой кромки Чёрного моря от Гагрского хребта, ответвляется хребет Мамдзышха с самым большим своим массивом – горой Мамдзышха высотой 1873 м. н.у.м., который нависает над городом Гагра и резко ограничивается прибрежной полосой, мощными уступами падая в море. Западнее от него протянулся хребет Жовеху с максимальными высотами до 1348 м. н.у.м., являющийся водоразделом рек Жоквара и Чыгрыпш и обрывающийся мощными уступами так называемого «Гагрского карниза»⁴ [1; 4; 5; 6; 10; 16; 17].

¹ Точная форма передачи на абхазском языке оронима Жовеху – Жваюаху, Жаюаху, а гидронима Жоквара – Жваюапсы, Жваюакуара, Жаюпсы.

² Данная государственная граница сформировалась по сути на месте внутренних республиканских границы бывших советских республик РСФСР и Грузинской ССР. Собственно, Республика Грузия потеряла контроль над этой границей после событий Гагрской наступательной операции, осуществлявшейся с 1 по 6 октября 1992 года, и завершившейся полным разгромом «Гагрской» группировки войск Госсовета Грузии.

³ Арбаика с абхазского буквально означает «Гребень горы Арба».

⁴ С учетом объема статьи мы ограничились в подробной характеристике орографической структуры самого Гагрского хребта.

Ниже горных массивов к Гагрскому хребту как бы с флангов примыкают крупные географические объекты – это крупнейшие прибрежные равнины Цандрыпшско – Гячрыпшская и Пицундо-Бзыбская миниатюрные долины⁵. Цандрыпшско-Гячрыпшская миниатюрная прибрежная долина протянулась от реки Псоу до реки Хашупсе примерно на 8 км вдоль побережья, а с юга с побережья на север имеет протяжённость в среднем 2 км и постепенно переходит в холмы так называемого Махадырского предгорья. Здесь же отмечены остатки древних черноморских террас, в частности «Карангатских». На крайнем юго-востоке раскинулась Пицундо-Бзыбская низменность – несомненно, остаток древней реликтовой литорали. Длина равнины с северо-северо-запада на юго-юго-восток равна 16 км, протяженность береговой линии 18 – 20 км, а в глубь она тянется на 12 – 13 км. Эта прибрежная равнина богата наносами плодородного речного аллювия плейстоцен-голоценового периода возрастом до 11 – 12 тыс. л. н. и составляет мощные толщи отложений до 90 – 100 м⁶. Аналогичные, правда, несколько меньших масштабов отложения характерны очевидно и для Цандрыпшской долины. Основную роль в их формировании сыграли многочисленные реки, стекающие со склонов Гагрского хребта. Обе эти равнины – основные зоны традиционной концентрации населения на протяжении всего исторического периода. Для этих прибрежных равнин до недавнего прошлого были характерны активные процессы образования болот, генезис их формирования, очевидно, относится к раннему голоцену. Большинство болот ныне уже осушено и лишь сохраняются небольшие их островки. Между собственно Гагрским хребтом и Пицундо-Бзыбской низменностью в пределах города Гагра и далее через село Псахара и вплоть до реки Бзып протянулись цепочки холмов Гагрского нагорья – зона активного освоения еще в советское время субтропических цитрусовых хозяйств, садоводства, плодоводства и табаководства⁷. Береговая линия изрезана слабо и на всем протяжении имеет направленность в сторону юго-востока. Самые глубоко вдающиеся в сушу водные массивы – это Гагрский и Пицундский (Лдзаавский) заливы, последний, кстати, характеризуется самой высокой прозрачностью морской воды в пределах абхазского побережья не менее 27 м⁸. Самый глубоко выдающийся массив суши в море – это Пицундский полуостров с его Пицундским мысом – сравнительно молодое и сложное, с точки зрения естественной и геологической истории, образование, сформировавшееся уже в историческое время [1; 4; 5; 7; 14; 15; 16; 17; 18]. Для Гагрского района характерна сложная структура как подземного, так и поверхностного стоков. С учетом наличия карстовых известняковых массивов Арбаики данный район характеризуется практически полным отсутствием поверхностного стока. Осадки сразу же дренируются в толщах известняка «глубокого залегания»⁹. Практически все истоки рек Гагрского района – это выходы подземных карстовых вод, веерообразно формирующиеся по периферии Гагрского хребта на различных его высотных ярусах. Большинство крупных рек располагается по западному и

⁵ Цандрыпшская низменность имеет свое продолжение на северо-западе, в пределах Российской Федерации, именуемая «Имеретинская» низменность. Ее древнее название низменность Лиашь, где в прошлом располагалось древнее фамильное святилище абхазского рода Лиашь. Абхазы издревле, участок побережья от города Гагра до города Адлера именовали «Аха» / «Ага». Данный топоним лежит в основе названия города Гагра, где ороним «Гакыра» (буквально «место, где закрывается, запирается, обрывается» берег). Кстати иногда в источниках города Гагра встречается в вариантах названия «Агра» или «Пагра». Аналогичные топонимы зафиксированы и в районе Пицунды и села Лдзаа. Здесь известно родовое святилище рода Ампар под названием Аг-Ныха / Эг-Ныха / Эт-Ныха. Данный топоним/теоним возводят к мифическому образу «Эйет/Айет». В этом отношении интересно вспомнить и наличие древнейшего топонима предшествовавший названию села Псахара и известному как «Кылга/Кылхаа/Колхста» что созвучно с обозначением страны Колхида.

⁶ В географической литературе встречаются различные названия этой равнины Бзыбская предгорная равнина, Пицундо-Бзыбская низменность, Бзыбская приморская аллювиально-озерно-морская равнина.

⁷ В пределах города Гагра эти холмы известны как «Иагахы» («Холмы гениохов») а в пределах сёл Псахара и Бзыпта как «Цанигварта» (холмы, ограды Цанба).

⁸ Гагрская бухта известна как бухта «Кинчули», «Кеншили» или «Кенчили» от турецкого «враждебный». С турецким «Кинчули» перекликается гидроним «Котош» и еще более ранняя форма итальянского «Кабо де Гиро» и обозначающая водоворот. В данном случае выражение «враждебный» и выражение «водоворот» подразумевает сильные течения у устья рек Бзып и Мзымта, либо связан с водоворотами субмаринных источников, широко представленных в прибрежной полосе Гагра.

⁹ В пределах Гагрского хребта толщи известняка достигают величин до 3000 м., в связи с чем под воздействием сил гравитации эти толщи настолько себя продавливают, и увеличивают плотность, что приостанавливают дальнейший процесс вертикальной суффозии водой горных пород и процесс этот принимает горизонтальный вектор.

восточному флангам Гагрского хребта, в то же время реки, стекающие с южных склонов Гагрского хребта, в большей своей части очень короткие. Самая крупная река, частично протекающая по Гагрскому району, – это река Бзып, которая является второй после реки Кодор (вместе с притоком Сакян) по длине рекой на территории Абхазии и первой по длине рекой от истока до устья протяжённостью 112 км., а иногда она фигурирует и как самая длинная река в Абхазии вообще [1/Абхазия, 2022]. Это единственная река в пределах Абхазии, протекающая по трем административным районам Республики Абхазия, – Сухумскому, Гудаутскому и Гагрскому.¹⁰ На Гагрский район приходится ее нижнее течение, и в пределах района она протекает на отрезке длиной не менее 25 км. В Гагрском районе на Гагрском хребте берет свое начало и самый большой правобережный приток Бзып – река Егя (Гега), один из притоков этой реки известный как река Агепста рождается на южных склонах одноименной горы Агепста, а другой приток «Кутышара» рождается на северных склонах Гагрского хребта в районе «Псеохучы» (озерки). При выходе реки Бзып из его же образованного живописного Бзыпского ущелья на равнину сформировался уникальный природный, историко-ландшафтный и историко-культурный узел, известный как «Бзыпские ворота». «Бзыпские ворота» представляют собою ограниченный в пределах одной панорамной локации нескольких ландшафтных зон и крупных природных объектов, среди которых Гагрский хребет, Бзыбский хребет, ущелье реки Бзып, Пицундо-Бзыбская миниатюрная долина, Холмы Мюссерской возвышенности, Калдахуарское понижение (коридор, депрессия) [9]. Далее река протекает по практически плоской ею же образованной Пицундо-Бзыпской/ Бзыпской/ Лдазвской прибрежной миниатюрной долине [13]. Но даже в равнинной своей части река имеет характер стремительного течения горного типа, местами образуя «замкнутые» дельты. Между городом Пицунда (в 8 км от города, а иногда указывают 6 км) и селом Алахадзы (бывший совхоз «Цитрусовый») двумя рукавами впадает в море, образуя большие плюмы. Сама река является средоточием ряда эталонных памятников природного и культурного наследия мирового значения. В древности река была традиционной границей двух историко-культурных областей – Садзен и Бзыбаа, а в различных письменных источниках и в литературе иногда по реке Бзып проводили границу так называемой «Малой» и «Большой» Абхазии и даже легендарного Колхидского царства. На данном этапе здесь проходит граница двух административных районов Республики Абхазия – Гагрского и Гудаутского. Второй крупной рекой на территории Гагрского района является река Псоу с ее главным правым притоком рекой Пхиста¹¹. Истоки реки Псоу лежат на крайнем северо-восточном углу Гагрского хребта со склонов горы Агепста. Площадь бассейна реки Псоу составляет 421 кв. км. Длина реки Псоу – 53 км. (в отдельных источниках указывают длину в 58 км.) и в своем верхнем течении пробивается с сильным углом падения в высоких и узких ущельях и теснинах так называемых «Турьих» гор (окрестности горы Агепста). Течет практически с востока на запад, как бы образуя границу между собственно Водораздельным или Главным кавказским хребтом и Аибгой и Гагрским хребтом и непосредственно хребтом Кацырха и далее продолжает течение, где с севера к

¹⁰ В различных источниках этимология реки различна и известны ее разные названия к примеру «бешенная», «бурливая, бешенная, неукротимая», «абхазская река», «река абхазов». Вероятно, реку Бзып упоминает в античности Флавий Ариан во II в. н. э. (134 г. н. э.) который обозначил как река «Абазг/Абаск», то есть «река абхазов», «абхазская река». Известна кстати река Бзып и на поздних итальянских картах портоланах/портуланах под названием «Гиро», как обозначение устья реки Бзып. Само итальянское слово «Гиро» означает буквально «водоворот» что вероятно как-то связан с плюмами реки Бзып при выходе в море. Таким образом как указывалось выше, известное обозначение «Кабо де Гиро» может быть связан не только с итальянским названием Гагрской бухты, но и также с рекой Бзып и ее устьем.

¹¹ Название этой реки обычно переводят как «длинный» поток, «длинная» река. Не следует забывать, что иногда реку Псоу тоже отождествляют с «рекой абхазов», «абхазской рекой» то есть рекой «Абаск» Флавия Арриана. Известна эта река также и под названием «Геш», отсылающий нас к топониму/антропониму Геча/Гячрыпщ. Известна так же и другая форма реки Псоу в виде «Псоудзы». Данное название вполне резонно также с учетом наличия здесь у устья реки Псоу в районе Цандрыпша или в лучшем случае в междуречье рек Мзымта и Псоу известного по средневековым письменным и картографическим источникам порта «Абкация» или «Великая Абхазия». Название реки Псоу фигурирует также в виде целой страны «Псоу», что несомненно отсылает нас к классическому «Апснь» и «Апсуа».

нему примыкает Мзымтинский хребет (Геоморфология Грузии, 1971)¹². Далее делает плавную дугу разворот и почти перпендикулярно побережью протекает по достаточно широкой, ею же образованной и сформированной долине и ущелью. Впадает в Черное море, формируя обширную Цандрыпцскую низменность в районе села Цандрыпц. Река Хашупсе – единственная самая крупная река, бассейн которой целиком расположен в пределах Гагрского района¹³. Площадь бассейна реки Хашпсы (Хашупсе) составляет 200 кв. км. Истоки реки Хашпсы (Хашупсе) берут свое начало на западных склонах г. Зырху (Зырхуа). В среднем течении в реку Хашпсы впадают два слившихся притока – реки Жаюапсы и Сандрыпш, которые по длине даже больше главной реки¹⁴. Эти два самостоятельных притока формируются на южных склонах хр. Кацырха на высоте 1900 – 1920 м. Длина реки Хашпсы (Хашупсе) 28 км, а длина ее левого притока Жаюапсы – 15 км. Питание бассейна реки Хашпсы (Хашупсе) как дождевое, так и карстовое. Внутри этого обширного Хашупсинского ущелья формировалось понижение – Ачмардинская котловина, вокруг которой со всех сторон опоясывают отроги Гагрского хребта, в частности хребет Берчилъ. В бассейне реки Хашпсы (Хашупсе) образуются великолепные каньоны и ущелья. Прорезая мощную долину, она распиливает передовой хребет и на восточной окраине села Цандрыпц выходит на Цандрыпцско-Гячрыпцскую миниатюрную долину, впадая в Черное море. Среди остальных рек, непосредственно впадающих в Черное море, если следовать их устьям с северо-запада на юго-восток, – следующие: Река Лапста. Площадь бассейна реки 35, 5 кв. км., длина реки 17,5 км., а истоки реки находятся на высоте 380 м. н.у.м.¹⁵. Река Махадыр (Мегахдыр). Площадь бассейна реки 25 кв. км., длина реки 14 км., в промежутке 2,5 км. сублимирует (по аналогии с рекой Юпшара / Юпсара) в сухое русло, истоки реки лежат на южных склонах хребта Цыгуху на высоте 840 м. н. у.м.). Далее следует река Багрыпста, длина реки составляет 4 км. 528 м., истоки реки лежат в толщах известняков хребта Цыгуху, вытекает она из узкой пещеры на высоте 715 м. н.у.м.) и является мощным карстовым воклюзом 1200 л./с.¹⁶. Река Анакуапста (Аныхапста/ Анакопста) и река Чыгрыпш¹⁷. Река Жожквара – самая длинная в пределах черты города Гагра река. Площадь бассейна 72 кв. км., длина 21 км. (?) иногда указывают длину 12 км., истоки реки берут свое начало с горы Арбаика и г. Хыркы на высоте 2520 м. н.у.м.¹⁸. Далее следует вторая по величине в черте города Гагра река Гагрыпш, площадь бассейна 35 кв. км., а длина около 10 км..¹⁹ Следующая по величине река и одноименное ущелье Цихерва.²⁰ Река «Родник» – самая короткая река в черте города Гагра – не более 250 м²¹. Река Адзхыда протекающая в черте города Гагра в районе «Источник»²². Рядом с нею в черте города Гагра некогда протекала река Адзаш в

¹² В некоторых источниках Мзымтинский хребет, протянувшийся уже в пределах Российской Федерации, нередко считают частью Гагрского хребта.

¹³ Встречаются названия река Хашпсы, Хашепш и нередко ее так же именуют рекой «Трех каньонов». В отдельных источниках и эту реку нередко идентифицируют с рекой «Абаск».

¹⁴ Название притока Жаюапсы перекликается с названием реки Жожквара, а в гидрониме Сандрипш отчетливо проглядывается этноним древнего этно-племенного образования Саниги.

¹⁵ Лапсы / Люапсы (по-абхазски означает «южная река»). В русскоязычной литературе встречаются варианты Лабста/Лапста/Лыпста. Для реки Лапста известна и более ранняя древняя архаичная форма «Лаблеи».

¹⁶ В названии которой фиксируется древняя антропонимическая форма абхазо-абазинского рода «Баг». В советское время она именовалась «Холодная» речка.

¹⁷ Здесь у реки Чигрипш известно древнее абхазское святилище Чыгурханыха. Вероятно, аналогичное святилище существовало и в районе реки Аныхапста.

¹⁸ Интерес представляет сам гидроним Жожквара. Этимология разнится, ее иногда называют «боковая» или «крайняя» река, что возможно связано с прохождением здесь границы двух исторических областей Абхазии в частности Садзен и Бзыбаа, а в прошлом Санигии и Абазгии. Иногда встречается перевод «коровья вода» и «узкое ущелье». Так же известен перевод в виде «болото» с учетом того что приустьевая зона реки Жожквара могла быть заболочена. Например, можно провести параллель с этимологией стоящей здесь древней крепости «Абаата» которую иногда в том числе с абхазского переводят как «крепость на болоте». С точки зрения гидрогеологии по мнению автора также приемлема этимология «река 12 истоков».

¹⁹ Вероятно, гидроним восходит к теониму древнего святилища рода Хагба, отсюда – Хагрыпш.

²⁰ Цахирюа (Цихерва/Зыцхерва). Этимология реки с абхазского предположительно от слова «высохший родник», но до конца этимология пока неясна.

²¹ Возможно ошибочно к этому роднику применяют гидроним «Псаца» / «Псыца».

²² Известна также как река «Юдзы» буквально по-абхазски как «Двуречье» или «Междуречье» очевидно из-за слияния двух речушек, образующих собственно реку Адзхыда.

районе «Фонтана». Река Псахара – также типичный карстовый источник – длина реки составляет примерно 15 км²³. Также известны ряд небольших водотоков, нередко не превышающих и 500 м. Несколько таких безымянных речушек известны в промежутке сел Псахара и Бзыпта. Большинство их – типичные карстовые источники, и устьев они не образуют, теряясь в почвах. В черте города Гагра, расположенного в крепости «Абаата», был известен источник «Абаата-куара», истоки которого располагались недалеко от храма «Абаата». Аналогичный источник вытекал у подножия «Крепостной» горы, известный как «Глазной» источник²⁴. В районе черты города Гагра (город «Трёх ущелий»), где располагался известный советский комплекс сан. им. «Челюскинцев», до сих пор у устья реки Цихерва прямо на кромке берега и морского волнового прибоя бьют «иррегулярные» источники, функционирует только в осенне-зимнее время. На территории Пицундо-Бзыбской миниатюрной долины со склонов Мюссерской возвышенности, известных как Каваклукские холмы, которые именуют также Каваклукско-Бармышская гряда, стекает несколько рек (было известно до 9 рек, некогда впадавших в реку Бзыбь либо в Черное море). Среди них самая известная река Цанигварта, которая раньше, очевидно, впадала в Черное море²⁵. Среди других рек известны Адзыду и Амзычхуа, их истоки лежат на высотах Мюссерских холмов до 220 м. н.у.м., длиной они не более 1 – 5 км, а также река «Кодор» (не путать с рекой Кодор в центральной части Абхазии)²⁶. Особый интерес представляет участок прибрежной полосы, протянувшейся вдоль «Гагрского» карниза. Для этого участка характерны наличие зоны субаквальной разгрузки карстовых подземных вод, известных как «субмаринные» источники, которые выходят прямо из-под морского дна. Крупнейшие выходы этих источников известны на западной окраине Гагрского карниза, где между селами Цандрьпш и Багрыпта (с. «Холодная речка») в незначительном удалении от берега отмечены несколько «котлов» или «бугров» вскипания диаметром от 40, 80 и даже до 100 метров в диаметре. Здесь же расположены «Белые» скалы – единственная в своем роде система выхода известняковых горных пород прямо непосредственно на линию берегового прибоя. Аналогичные выходы известняка, но значительно меньшего масштаба, отмечены в районе с. Чигрипш. Восточный фланг Гагрского карниза, непосредственно примыкающий к городской черте Гагра, отмечен наличием очень коротких поверхностных стоков. Здесь у самой кромки берега моря в 2 км от города Гагра известно несколько источников. Прямо на галечном пляже выбивает мощный воклюз «Агепста» (не путать с рекой Агепста – притоком реки Гега). Рядом же с ним из скального массива выбивает еще один мощный источник – воклюз Репруа длиной всего 18 метров – самая маленькая река мира, который вырывается мощным потоком до 2000 л./с.²⁷. Недалеко от реки Репруа расположен сифон субмаринного источника с дебетом воды не менее 0,8 л. с.

В пределах Гагрского района сравнительно мало озер. В восточной части Гагрского района на склонах Гагрского хребта на южных склонах в районе урочища Дзыхча расположено озеро Зеленое, а в пределах Пицундского полуострова известно восемь реликтовых озер, самым большим из которых в пределах Гагрского района является

²³ Более точная форма абхазской передачи гидронима - Апсахара (видимо по-абхазски означает «Место переправы или перехода», по другой версии «Место обитания духа» с учетом располагавшейся здесь в древности священной рощи где осуществлялся обряд «воздушно/вторичного» захоронения). Возможно это и есть то же древнее название как указанный выше источник «Псаца». Не исключено что он восходит к антропонимическому обозначению рода Псардия. В нач. XX в. река именовалась «Ольгинка».

²⁴ «Крепостная» гора, являющаяся южной оконечностью хребта Люковюха (гора «Сигналка» или как ее называли турки-османы «Баладаг», то есть «Медовая» гора). Именно у подножия этой горы прямо напротив нынешнего Гагрского Приморского парка (Парк Ольденбургского) до 40 гг. XX в. бил карстовый источник, достигавший ближайшей прибрежной полосы. Он известен как «Глазной» источник и в период функционирования Гагрской климатической станции (с 1901 по 1917 гг.) здесь был оборудован Бювет с надписью: «Глазной» источник который сохранился по ныне.

²⁵ Вероятно, под этой рекой следует видеть реку «Цара», но не исключено что «Цара» это другая река, впадающая непосредственно в Черное море.

²⁶ По-абхазски название этой реки «Кудры» о чем свидетельствует указание на карте Абхазии за 1846 год. Ущелье, из которого вытекает речка до сих пор известна как «Кудырта». Иногда и само ущелье реки Бзыбь именовалось «Кудырта». В этой связи любопытно и то что в низовьях рек как Бзыби, так и Кодора – крупнейшей реки Абхазии, встречаются схожие названия дохристианских культовых центров известных как Аг-ныха что требует отдельного своего объяснения.

²⁷ Известно ее абхазское название река Хапырюаш буквально «вырывающийся поток», «вырывающийся пещерный поток».

равнинное озеро Инкит, лежащее ниже уровня моря - 0,8 метров и образовавшееся 2 – 3 тыс. л. н. а также озеро Анышхцара или Пицундское. У подножия восточного склона Гагрского хребта в нижнем течении реки Бзып в левобережной части ее долины и ущелья расположено Голубое озеро. Озеро представляет собою классический карстовый источник – мощный воклюз, выходящий на 14 км по «рицинской» трассе. Вода выходит из двух понор. Первый поток голубого цвета, при выходе на дневную поверхность образует воронкообразную котловину длиной 16 – 20 м. и шириной 10 – 12 м., глубиной 49 м., а длина щели, уходящей под скалу, – 122 м. Второй поток выходит на дневную поверхность, и в виде короткого, но мощного потока длиной 8 – 10 м. впадает в реку Бзып²⁸. На левобережье реки Псоу в ее нижнем течении в местах выхода источников расположено озеро «Молодильное», недалеко от которого предполагается нахождение в прошлом святилища садзов «Варх», или «Вырханыха». Известны также и небольшие искусственные озера. Так, в пределах села Псахара известно озеро «Колхидка» и такие же озера известны и в районе т.н. «Бетонки» у Птицефабрики и недалеко от бывшего Советского закрытого предприятия «Гидроприбор» и в ряде других мест. [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

В климатическом отношении Гагрский район в советское время считался самым теплым местом на побережье Черного моря со средней зимней температурой января +7,3 С. и со среднегодовой температурой в целом +13 – +14 С. Разумеется, средние температурные показатели года не отражают всей амплитуды колебания температур. Кстати, самой холодной зимняя температура была зафиксирована в горах Абхазии именно на северо-западе склона горы Агепста со значением -27,0 С. Как известно, Абхазия входит в зону субтропического климата влажного средиземноморского типа с типом климата океанического влажного. Основной климатический портрет в современную эпоху стабилизировался и окончательно сформировался в эпоху середины голоцена. Показатель этот, конечно, относительный и отмечен только для данного отрезка геологического периода, он менялся в прошлом и будет меняться в будущем. Для Абхазии в целом и для Гагрского района в частности характерна высотная зональность. Температурные и влажностные режимы, конечно, разнятся и в пределах района тоже. Изменились и климатические показатели тоже. Считается, что самым жарким местом в пределах Абхазии следует считать район города новый Афон, а самые холодные температуры уже отмечаются в районе Кодорского хребта. Конечно, эта фиксация относительна, так как есть большая вероятность того, что упущена возможность определения температур в других малодоступных для измерения районах. В самом Гагрском районе, в частности в прибрежной части, самые пиковые положительные температурные значения скорее всего должны фиксироваться на южных склонах Гагрского карниза, а самые влажные и дождливые зоны должны быть приурочены к местам примыкания Пицундо-Бзыбской низменности к холмам Мюссерской возвышенности. Это все, что касается прибрежной части с ярко выраженным субтропическим климатом. В горной части, разумеется, величины иные в связи с высотной поясностью. Наиболее влажные и холодные зоны должны быть приурочены скорее всего к глубоким долинам и межгорным котловинам. Для верхнего яруса горных массивов Гагрского хребта характерно наличие мощных покровов снега и наличие ледников, которые и определяют степень заполняемости карстовых резервуаров подземных вод в пещерах Гагрского хребта. Относительная влажность воздуха в гагар 75 – 90%, а количество осадков колеблется в пределах 1300 – 1400 мм в год. Другой климатической особенностью Гагра и ее окрестностей является чередование фенон и бризов [1; 2; 3; 4; 5; 10; 16; 17].

Библиографический список

1. Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В. Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Сухум-СПб., 2022. – 600 с.: илл.: карт.

²⁸ Характеристики Голубого озера даны по исследованиям спелеологов РФ в 2017 г. Абхазское название озера «Адзикуа» а иногда указывается в литературных источниках как озеро «Цхына» то есть «Обнаженная» по названию обнаженной известняковой скальной стены, нависающей над озером.

2. Агумаа Э. А. Святилище «Варханых» (Варх) и другие загадки земли Садз. // I Научно-образовательный семинар "Карта рассказывает": картографическая культура в контексте изучения истории и природы Абхазии. Гагра - Пицунда, 2019. С. 7-25.
3. Балабанов И. П., Никифоров С. П. Гагрский залив. Рекреационный потенциал природно-геологических условий прибрежно-морской зоны. М., 2016.
4. Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971.
5. Гулия В. О., Орловская Т. В., Адзинба З. И., Читанава С. М. Физико-географическая характеристика Абхазии. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014., №11. С. 35 – 38.
6. Гулия В. О., Орловская Т. В., Адзинба З. И., Читанава С. М. Физико-географическая характеристика Абхазии (Сообщение 2). Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014., №11 (Часть 4). С. 593 – 596.
7. Канделаки Д. А., Хондзия З. Г. Анализ историко-археологической ситуации на месте проведения работ по водоснабжению города Гагра. Абхазоведение, 2018., вып. 11. С. 25 -34.
8. Канделаки Д. А. Там, где нашла она покой навеки. // Газета Гагрский Вестник, 2021 г. №№ 32, 33-34.
9. Канделаки Д. А. Историко-культурный и историко-ландшафтный комплекс «Бзыбские Ворота». Выездная лекция под открытым небом. Научно-исследовательский центр «PONTO-CAUCASICA» и Школа Подготовки Экскурсоводов. Республика Абхазия. город Гагра. Вторник. 6 Апреля 2021 года. Рукопись.
10. Канделаки Д. А. Город Гагра - общая физико-географическая, историко-градостроительная и историко-культурная характеристика. Доклады Сочинского отделения РГО. Сочи, 2022. Вып. 6. С. 73 – 89.
11. Канделаки Д. А. Памятники историко-культурного и природного наследия как инструмент образовательной деятельности НИЦ "PONTO-CAUCASICA". ИНТЕГРАЦИЯ НАУК - 2022. Материалы III Международной научно-практической конференции. Текстовое электронное издание. Краснодар, 2022. С. 238 – 242.
12. Канделаки Д. А. Памятники природы и истории в экскурсионно-туристической деятельности. На примере Гагрского района Республики Абхазия. ТУРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. Материалы международной научно-практической конференции. Сочи, 3-6 октября 2022 г. Сочи, 2022. С. 176 – 187.
13. Канделаки Д. А. Там, где рождается Бзыбь бурнотечная: древности Бзыбского ущелья. // Абхазский лекторий. Лекция-презентация. Вторник. 4 апреля 2023 года. 80 мин. Рукопись. Гагра, 2023.
14. Кварчия В. Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухуми, 1985.
15. Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимика Абхазии (Историко-этимологические исследования). Сухум, 2006.
16. Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. Сухуми, 1961.
17. Лашхия Ш. В. Абхазская АССР. Природные ресурсы и хозяйственная практика. Тбилиси, 1982.
18. Меньшиков В. Л., Пешков В. М. Берег Пицунды факты и гипотезы. М., 1980.
19. Пицунда-Мюссерский заповедник. // Колаковский А. А., Бебия С. М., Урушадзе Г. Ф., и др.; под ред. С. М. Бебия. – М.: Агропромиздат, 1980. – 190 с. (8) л. ил.: ил.
20. Сапёлкин В. Н. «Что в имени твоём». Туапсинский район: прошлое и настоящее (Словарь-справочник). Туапсе – Небуг, 1999.
21. Чирикба В. А. Словарь географических названий Абхазии и других стран. Сухум – Москва, 2022.

УДК 33.018

DOI: 10.36684/102-1-2023-189-193

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОЦЕНКИ ПОТОКОВ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ

В.В. Кирей,

к.э.н., доцент

*Мытищинский филиал Московского государственного
технического университета им. Н.Э. Баумана*

Аннотация. Сохранение надлежущего потока экосистемных услуг, генерируемых экосистемами, является ключевым элементом программ устойчивого регионального развития и нуждается в надежных механизмах мониторинга. Данные о состоянии экосистем полученные с применением механизмов дистанционного зондирования земли являются эффективным инструментом, обеспечивающим надлежащий учет потоков экосистемных услуг. Данные дистанционного зондирования природных экосистем формируют теоретическую основу для целей оптимизации процесса природопользования. Пространственные модели